

Лев
Альтмарк

Наследство
опального
генерала

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Лев Альтмарк

Наследство опального генерала

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Альтмарк Л.

Наследство опального генерала / Л. Альтмарк — «Алетейя»,
— (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-036-2

Наследство опального генерала. Мы - разные. Добрые или злые, миролюбивые или конфликтные, щедрые или алчные, честные или не очень... Откуда все это в нас берется? Ведь рождаемся-то мы изначально чистыми и непорочными...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-036-2

© Альтмарк Л.
© Алетейя

Содержание

Наследство опального генерала	6
Предисловие	7
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Альтмарк Л.Ю.

Наследство опального генерала

Tabula rasa (лат. – «Чистая доска») – латинское крылатое выражение, которое используется для обозначения гносеологического тезиса о том, что отдельный человеческий индивид рождается без врождённого или врожденного умственного содержания, то есть чистым, его ресурс знаний полностью строится из опыта и чувственного восприятия внешнего мира...

Википедия

...а потом всё начинается.

Автор

Наследство опального генерала

Роман

Предисловие

Сюжет романа «Наследство опального генерала» практически полностью придуман автором. Но грош цена была бы роману, если бы автор в своих фантазиях не опирался на конкретные даты, цифры и документальные свидетельства описываемых событий. Просто сама по себе тема, поднятая на страницах книги, настолько актуальна и неоднозначна, что волей-неволей автору приходилось усмирять полёт воображения и опираться на документально подтверждённые факты. Но и здесь – признаюсь честно! – приходилось многое додумывать и сочинять...

Прообразом одного из главных персонажей, о котором в романе сказано довольно много, но при этом он ни разу так и не появился на страницах книги, – генерала Зенкевича – послужил реально существовавший советский, а впоследствии российский генерал Анатолий Демьянович Кунцевич, с именем которого до сих пор связано множество тайн и совершенно необъяснимых событий. Вероятно, спецслужбы некоторых стран могли бы дать исчерпывающий ответ, но они, увы, молчат. Едва ли нам удастся разгадать в ближайшем будущем, каким человеком был генерал на самом деле, и как в действительности сложилась его судьба. Официальная версия его гибели, как ни странно, ставит больше вопросов, чем даёт ответов. Гриф секретности скрывает от нас многие свидетельства и документы из того не столь уж и далёкого от наших дней времени.

Автор позволил себе немного пофантазировать и предложил свою схему развития событий. Надеюсь, что в качестве одной из вероятных версий происходивших событий его предположения вполне могли иметь место.

Часть 1

1

Взаимопроникновение языков у нас в Израиле – совершенно замечательная вещь. И крайне любопытная. Иврит – это, конечно, наше всё, но выучиваем мы его, приехавшие из разных стран, а без этого никуда не денешься, довольно однобоко и, как бы я сказал, с уклоном в свой родной язык страны исхода. И, наоборот: спустя какое-то довольно непродолжительное время, даже разговаривая между собой, мы почти не замечаем, как органично в родную речь вклиниваются становящиеся паразитами ивритские слова. И мы уже не знаем, как выразить без этих словечек свою мысль на языке, который, как нам казалось раньше, мы всегда знали в совершенстве.

А так как нашего русскоязычного брата в Израиле уже больше миллиона, то и становятся эти родные-инородные вкрапления чем-то само собой разумеющимся. Вот, например, расхожее словечко «беседер¹». Как без него объяснить кому-то, даже из своих, что ты с ним согласен, понял мысль собеседника и нисколько ему не возражаешь? А, кроме того, в этом слове ещё тысяча оттенков, выражающих самые различные эмоции. Как, впрочем, и во многих других ивритских словах, ставших нам жизненно необходимыми.

Взять общеупотребительное израильское выражение «хаваль а-ля зман²». Перевести-то его дословно проще простого – «жаль времени», а по смыслу здесь целая гамма душевных переживаний. Это и разочарование, и укор, и обида, и ещё чёрт те знает что. Когда услышишь такое в свой адрес, знай, что ты близок к тому, что тебя готовы вычеркнуть из списка хороших парней или надёжных работников. Девушка с тобой разругается в пух и прах, знакомый больше не позвонит по телефону, а приятель по Фейсбуку просто забанит... Тут, брат, держи ухо востро.

Я уж не говорю о двух других замечательных словах, особо любимых в разговорах нашими великосветскими дамами, недоучившими язык страны проживания и потихоньку теряющими язык страны исхода. Это легендарные «мамаш³» и «давка⁴». Никакой нагрузки они, как выясняется, не несут, зато служат прекрасными связками, заменяющими, но не исключаящими в беседе излюбленное коренными израильтянами мычание «э-э...».

Таких ивритско-международных слов можно привести не один десяток, даже не сразу вспомнив их по причине того, что они уже плотно засели в наших мозгах, и не сразу догадываешься, откуда ноги растут. В языковой же метрополии эти словечки вызовут, в лучшем случае, недоумение и произвольное вращательное движение указательного пальца у виска твоего оппонента. Увы, проверено практикой.

Так же и исконно русские слова органично вливаются в местный иврит сперва на положении слов-паразитов, а потом всё нахальнее и нахальнее претендующие на статус общеупотребительных и почти литературных. Чего стоит только наше излюбленное и слегка адаптированное под ивритскую грамматику «кибенемат», переводить которое, надеюсь, русскоязычному человеку не надо. Этаким мощным отсыл к такой-то матери куда ярче и образней традиционного ругательного посылка «лех ле-Азазель» к невинному полубиблейскому-полубулгаковскому

¹ Беседер – в порядке, ладно.

² Хаваль а-ля зман – очень плохо.

³ Мамаш – на самом деле.

⁴ Давка – на самом деле.

чертяке по имени Азазель. Местный человек реагирует на это бурно и гневно, а наш – только посмеивается, как над детишкой, притащившей из яслей первое бранное словечко...

Да и вообще, наши родимые ругательства давно и по-хозяйски полноводной рекой влились и до сих пор вливаются в океан возрождающегося иврита, обогащая его красочной цветистостью и неповторимой образностью. Без наших исконных ругательств речь моих и не только моих соотечественников была бы скучной и невыразительной. Да и с нашим русскоязычным братом общаться аборигенам без подобных точек пересечения было бы намного сложнее. Это вовсе не означает, что мы – какие-то грубые и злоязычные «понаехавшие» гунны, просто... просто мы дополняем друг друга тем, чего у каждого недостаёт. Наша епархия – ругательства и образные, яркие эпитеты. Великая русская литература, балет и космос – ах, оставьте это, пожалуйста, здесь это никому не интересно! Вот если бы какой-то Миклухо-Маклай привёз новых бус и зеркал...

Подобные лингвистические открытия время от времени посещают мою начинающую сесть голову, тем более, на нынешней моей работе её занять почти нечем. Вот и тренируемся потихоньку в сочинении подобных перлов остроумия, правда, когда настроение хорошее. Когда кто-то его портит, тогда шарики в черепной коробке начинают прокручиваться в обратную сторону, и мысли становятся злыми, колючими, а порой даже трагическими. На ум же приходят исключительно упомянутые бранные выражения – как на русском, так и на иврите. А следом – арабские, английские, французские и ещё бог знает какие. И уже не разберёшь, что тут круче. Всё из того, что отложилось в памяти, идёт в ход.

Изредка я записываю отдельные фрагменты диалогов на бумагу, прикидывая, что когда-то непременно сочиню эпохальный роман о нашей репатриантской жизни в Израиле, и этим романом будут зачитываться все подряд – даже те, кому эта жизнь не интересна и не близка. Хотя эти-то как раз зачитываться не будут. Оно им надо? Свои бы бывшие земляки снисходительно пролистали будущую книжку и не строили козью морду при виде обложки, на которую я непременно помещу какое-нибудь ключевое общеупотребительное слово позабористей...

И хоть за моими плечами московский литературный институт имени Горького, работу по специальности найти в Израиле мне так и не удалось. Впрочем, и в стране исхода нет больше таких работ, на которые требовались бы специалисты моего профиля. Разве что рыночная торговля китайским ширпотребом или традиционная излюбленная котельная в придачу к романтической дворницкой метёлке. Так что я не сильно заморачивался с поисками. Тут не только литераторы, но и журналисты остались без дел, поэтому... Книжки можно писать и в домашних условиях, находясь в свободном полёте, а вот на хлебушек насущный приходится зарабатывать каким-то другим, менее интеллектуальным трудом, и не исключено, что физическим. И это, увы, более необходимо сегодняшнему обществу, нежели создание нетленных литературных шедевров.

И как в воду глядел.

Сегодня у меня самая лучшая, наверное, профессия на свете – работаю в мебельной мастерской, строгаю деревяшки и собираю мебель по заказам израильских трудящихся. Богачи, конечно, покупают готовую мебель в фирменных магазинах, а человек попроще идёт в такую, как наша, мебельную мастерскую.

Мне нравится резать и строгать душистое тёплое дерево, подгонять детали будущих шкафов и сервантов по размерам, покрывать лаком гладкие поверхности, когда на твоих глазах вдруг начинает проявляться и оживать, словно по волшебству, причудливая фактура древесины. И это мне, как несостоявшемуся инженеру человеческих душ, всегда интересно и загадочно.

Выдам даже такую крамольную мысль, что наши характеры – а о чём ещё рассуждать творцу нерождённых шедевров?! – очень напоминают эти древесные фактуры. Взять, напри-

мер, дуб. Напрасно ассоциируют его с тяжеловесностью, твёрдостью и непреклонностью. Глубокие, тщательно прочерченные слои без резких поворотов и изгибов – чем вам не характер нордического и уверенного в себе человека? А бук? Нежные, не сразу различимые пласты, к которым необходимо тщательно присмотреться, чтобы понять их красоту и благородство. Карельская берёза – всегда напоминает нежное женское тело с его причудливыми полуокружностями и потрясающими по красоте изгибами. Можно бесконечно разглядывать загадочный и скрытый эротизм рисунков на поверхности из карельской берёзы... А яшень, орех, груша? С виду очень похожи друг на друга, а приглядишься – у каждого свой неповторимый характер, свои достоинства и причуды. Как у людей... Я даже не говорю о красном или розовом дереве с их яркой «индивидуальностью» и непохожестью. Но интересней всего мне почему-то разглядывать фактуру сосны. Да-да, самой простой и широко распространённой банальной сосны с её чётко вычерченными, словно скупым пером средневекового японского каллиграфа, разводами, подчинёнными каким-то своим тайным и непреложным законам, переходящими и завершающимися друг друга... Характеры, честное слово, наши человеческие характеры, в чём-то неуловимо схожие и одновременно всегда разные...

Впрочем, совсем не о том я собирался рассказывать, хотя об этом сегодняшнем своём увлечении могу так же повествовать день и ночь. Кому-то это, может, покажется интересным, кому-то скучным, но с каждым днём я, наверное, всё-таки становлюсь старше и мудрей, потому что меня всё меньше занимает внешняя мишура и блёстки современной суетной жизни. Той жизни, которая всегда на поверхности. Меня больше тянет, как тех же любимых мной старых японских поэтов и графиков, созерцать потаённый ручеёк, цветок, ничтожную травинку, в которых отражается вся наша вселенная. И даже больше, чем вселенная. Люди этого, чаще всего, не замечают или не хотят замечать, хотя подспудно, наверное, об этом догадываются...

Этот невзрачный человек незаметно протиснулся в распахнутую дверь мастерской и принялся неспешно расхаживать, разглядывая выставленные образцы мебели, а потом остановился у большого, во всю стену стенда с образцами древесных фактур. Этот стенд я придумал и сделал своими руками, любовно и по собственной инициативе, хоть наш хозяин не просил этого.

Я, конечно, сразу обратил внимание на этого человека, как и на всех перспективных клиентов, приходящих к нам выбрать или заказать мебель, но особо присматриваться к нему не стал. Ничем из общей массы он пока не выделялся, и никаких вопросов от него не поступало. Как бы я определил его по своей древесной классификации – яшень...

Хоть это, в общем-то, и не моё дело, а хозяйское, но я подошёл к мужичку и вежливо поинтересовался, сразу догадавшись, что с ним можно разговаривать на русском языке:

– Вам чем-то помочь, уважаемый? Вы хотели бы заказать у нас какую-то мебель?

Мужичок неуверенно пожал плечами и пробормотал:

– Пока нет. Я просто зашёл внутрь немного остыть от солнца на улице. Жарища там невероятная, а у вас кондиционер работает... Я могу немного здесь побыть? Вы не возражаете?

– Пожалуйста. Может, хотите холодной водички? Принести?

Уж, не знаю, почему я стал испытывать симпатию к этому «яшеню», но хозяин, если бы находился рядом, точно отправил бы его на улицу. Сразу определил бы, что это ротозей, а не перспективный денежный заказчик. Такие, как он, прекрасно обходятся шкафами и диванами, подобранными на свалке и отреставрированными собственными руками.

– Спасибо, – он отхлебнул глоток воды из разового стаканчика и вдруг спросил, – а кто вы по настоящей своей специальности? Я же вижу, что столярничать недавно начали.

– Что-то неправильно делаю? – усмехнулся я. – Не так дрель или рубанок в руках держу?

– Нет. Просто по вашему лицу видно, что на прежней родине вы совсем другое образование получили. Не столярное.

Если говорить честно, такие разговоры у меня уже в печёнках сидят. Соплей и обид на неизвестно кого в этой стране от нашего брата, нового репатрианта, всегда выше крыши, а толку от жалоб и обличений ноль. Все мы в «прежней жизни» были директорами, космонавтами и заслуженными артистами, вот только здешнему народному хозяйству эти наши замечательные качества и прежние заслуги не понадобились. А пригодились руки, которыми мы можем пилить, строгать, снимать апельсины с веток, прокладывать дороги в пустыне, подметать улицы. Свой выбор в новой для нас реальности мы делаем, вопреки всеобщему убеждению, ежедневно и на протяжении многих лет. Даже добравшись до каких-то высот. Правда, ассортимент возможностей невелик, но... не нравится имеющееся – меняй сферу деятельности, шевелись активней в поисках, только не притормаживай и не плачь в очередную подвернувшуюся жилетку. Если можешь, учись и продолжай заново штурмовать уже взятые когда-то на прежней родине вершины, а за ними будут новые, но и для них нужны силы, желание и воля...

Ни о чём этом с незнакомым человеком разговаривать я, естественно, не стал, лишь кивнул ему головой и отвернулся.

– Вы на меня обиделись? – не отставал он и подкрался поближе.

– Нет, конечно, с чего вы взяли? Сами-то вы, наверное, совсем недавно в стране? Поэтому вас и интересуют подобные вещи. Скоро вам надоест об этом говорить.

– Вы правы. Ещё полгода не прошло с моего приезда. – Мужичок вздохнул и отвёл взгляд. – Найти работу по специальности почти невозможно.

– В вашей ситуации нужно сперва язык выучить, а потом уже о работе думать. А вы кто по специальности?

– Инженер-химик. Раньше работал в фармацевтической промышленности.

– Хорошая профессия, – улыбнулся я, – непременно найдёте себе что-нибудь подходящее. Главное, не унывать и упорно пробиваться.

– Эх, ваши бы слова да богу в ушки...

– Вы один здесь или с семьёй?

– Семья пока там, – он неопределённо махнул рукой в сторону, – хотят сперва посмотреть, как я устроюсь на новом месте, а потом будут решать, ехать сюда или нет.

– То есть могут к вам и не приехать?

– Что вам сказать... – Мой собеседник огорчённо помотал головой и вдруг спросил. – А когда вы работу заканчиваете? Может, посидим где-нибудь в кафе, попьём пива, поболтаем? А то я совсем тут дошёл до ручки и одичал – не с кем словом переброситься. Все заняты своими делами. Максимум, двумя-тремя словами объяснят, что безумно устали или опаздывают на важную встречу, и дальше по делам побежали...

Не знаю почему, но мне стало жалко своего неожиданного собеседника:

– Сейчас особо срочной работы нет, поэтому хозяин не станет возражать, если я уйду, скажем, через час. Устроит?

– Хорошо, я зайду за вами.

После ухода мужичка, имени которого я так и не узнал, некоторое время я раздумывал о том, что не очень-то сладко приходится таким, как он, приезжающим в одиночку и, казалось бы, расчётливо оставляющим семью на прежнем месте жительства до лучших времён. Семье, конечно, хочется приехать на всё готовое, но как им объяснить, что собственную квартиру, которой в одиночку никогда в жизни не купить, даже имея хорошую по местным меркам зарплату, ему никак не потянуть. А ведь хочется и создать вокруг себя мир, в котором всё комфортно, спокойно и обжито... Только чудес на свете не бывает. По крайней мере, мне ещё ни разу не доводилось встречать человека, сумевшего без особых усилий взлететь к вершинам, а вот упавших и погрузившихся на самое дно нищеты и безысходности – сколько угодно. Не

уверен, что мой собеседник из числа везунчиков. Как, впрочем, наверное, и я. Хотя мне грех жаловаться...

Однако через час, как мы договаривались, никто за мной не зашёл. Потеря, в принципе, небольшая, поэтому я неторопливо собрался и вышел на улицу. Можно было, конечно, сразу отправиться домой, как я поступал всегда, но... раз уж был разговор о кафе и пиве, то не отказываться же от запланированного удовольствия!

Идти одному в кафе мне не захотелось. Уныло сидеть в уголке, прислушиваться к разговорам за соседними столиками и разглядывать пузырьки в высоком стеклянном стакане – такое времяпрепровождение в одиночку никуда не годится. Тоска смертная. Тем более, мне не хотелось шума и громкой музыки, от которой вибрирует и подпрыгивает стул под тобой. Нет, лучше в кафе не идти.

В ближайшем магазинчике я купил три бутылки «маккаби»⁵ и решил расположиться в скверике неподалеку от набережной, где всегда полно людей, но, по крайней мере, не такая зелёная тоска, как в кафе.

Размышлять ни о чём не хотелось, и я принялся безразлично разглядывать гуляющую публику. Тем более, солнце уже заходило, и с моря потянуло приятной прохладой. Натруженные за день мускулы потихоньку приходили в норму, а ноги наоборот приобретали приятную лёгкую расслабленность.

Посижу ещё пол часика, решил я, а потом отправлюсь домой традиционно смотреть новости по телевизору и спать. А что ещё светит человеку, честно отработавшему день, ни с кем не поссорившемуся, короче, обычному планктонному червячку, доживающему свою короткую и ничтожную жизнь в доступных и незамысловатых развлечениях? Пиво, телевизор и подушка...

– Простите, я могу здесь присесть? – раздалось за спиной.

Я обернулся и с удивлением посмотрел на невысокую загорелую женщину в огромных светозащитных очках, держащую под мышкой сумочку с длинной оторванной лямкой.

– Пожалуйста, – пожал я плечами, – как я могу быть против?

Женщина присела на край лавки и принялась незамедлительно пристраивать оторванную лямку на место. Краем глаза я наблюдал, как она тужится согнуть растянутое металлическое кольцо, но силёнок у неё явно не хватало.

– Дайте мне, я попробую, – наконец, нарушил я тишину.

– А вы сможете? – Дама недоверчиво посмотрела на меня, но сумку протянула.

Пока я разгибал, а потом сгибал кольцо, она с интересом разглядывала меня, потом придвинулась поближе, и неожиданно я ощутил, как она касается меня своим довольно упругим бочком. Пахло от неё каким-то тонким ароматом духов, хоть я и не специалист по запахам, но запах был действительно приятный и волнующий.

– Вот, пожалуйста. – Я протянул ей сумку и посмотрел в лицо.

– Даже не знаю, как вас отблагодарить. – Узкая смуглая ладошка легла на мою руку, и я ощутил, какая она горячая и чуть влажная.

Наверное, между мужчинами и женщинами всё-таки время от времени проскакивают какие-то волшебные искорки или – как их называют? – флюиды, которые без всяких дополнительных слов или намёков дают каждому понять, насколько он или она необходимы партнёру, притом не сегодня и не завтра, а именно в это самое мгновение, и тогда самые невыполнимые и сокровенные желания исполняются сразу же. Никакая наука этого не объяснит, да и кому это надо? Это чувство, порыв, жгучее мимолётное желание, замутнённый рассудок...

Я не монах и никогда им не был. Правда, и увлекался дамами не так уж часто, чтобы хвастаться перед кем-то своими гусарскими похождениями или вести летопись соитий, наподобие пушкинских списков, но... что было, то было. Чего уж тут скрывать.

⁵ «Маккаби» – сорт израильского пива.

Её горячая ладошка спокойно лежала на моей кисти, потом я аккуратно её повернул, и вот уже ладошка легла в мою ладонь. На моё пожатие она ответила своим слабым пожатием.

– Светлана, – коротко представилась она и спросила, сразу переходя на «ты», – а тебя как зовут?

– Игорь.

Свободной рукой она сняла свои тёмные очки в пол лица, и вдруг я увидел её глаза – зеленоватые и какие-то глубокие-глубокие, без дна. Даже не знаю, какими словами их описать, но таких глаз я раньше никогда не встречал. Правый глаз слегка косил, но это только придавало женщине дополнительный шарм. Наваждение просто какое-то!

– Идём? – коротко спросила она и встала со скамейки, не вынимая своей руки из моей.

Никогда у меня ещё не было такого стремительного знакомства с женщиной, поэтому я молча встал и неуверенно потянулся за пакетом с двумя оставшимися бутылками пива.

– Куда пойдём? – срывающимся голосом спросил я.

Прозвучало это, наверное, немного глуповато, и я тут же покраснел от своего нахальства.

Светлана усмехнулась и, снова надев свои очки, ответила:

– Можно ко мне в гостиницу. Я приехала сюда по туристической визе и поселилась тут неподалеку...

По дороге я забежал в магазин и купил бутылку хорошего сухого вина и апельсины. На большее у меня фантазии не хватило. Всю дорогу до гостиницы она держала меня под руку, и я всё время ощущал её упругий и горячий бок...

2

Не знаю, что происходило со мной. Я-то думал, что почти вышел в тираж, потому что такого со мной не происходило уже долгое время. В розовой юности, когда бурлила кровь и каждую ночь в воспалённом мозгу прокручивались сладострастные эротические картинки, одна смелей другой, всё это было как бы в норме, но сейчас... Это было неожиданно и даже пугающе, но... приятно. Приятно до помрачения рассудка.

Оказывалось, что годы ни на что не повлияли, сознание всё так же туманилось, по спине перекатывалась та же сладкая морозная крупка, что и в юности, голова отказывалась соображать и трезво просчитывать возможные последствия своего достаточно опрометчивого поступка. Правда, опыта теперь, конечно же, было больше. Но какой тут, к чертям, опыт, если всё происходило как бы внове!

Мы со Светланой не спали почти всю ночь, пролетевшую, надо сказать, мгновенно, и лишь утром, когда начало светать, устало задремали. Перед тем, как смежить очи, я лениво подумал, что на работу к себе в мастерскую, наверное, сегодня не попаду. Ну, и ладно, как-нибудь оправдаюсь перед хозяином. Врать ничего не стану – он тоже мужик, понять должен, ведь и сам далеко не безгрешен. А больше мне оправдываться не в чем и не перед кем.

Обычно сны, которые снятся мне ночью, я не запоминаю, но этот сон почему-то остался в памяти, и я потом несколько раз прокручивал его и всё пытался понять, что это было. А снилось мне, что я лечу в каком-то странном мультяшном мире, вроде того, что был нарисован в битловском фильме «Жёлтая подводная лодка», вокруг меня пёстрые разноцветные существа, названий которых нет, и эти существа стремительно проносятся мимо, занятые какими-то своими делами, и никто на меня не обращает внимания. Но я упрямо лечу, и подо мной какая-то невообразимая мрачная бездна, дна которой не видно, как в неё ни всматривайся. А на душе всё равно светло и легко. Только вниз лучше не смотреть...

Странно всё это было. Хоть ни в какие предзнаменования и мистику я не верю, но ведь не случается же такое беспричинно...

Разбудил меня какой-то тихий разговор, который вёлся неподалеку от кровати, где я мирно почивал, зарывшись в подушки. Первый голос принадлежал моей новой приятельнице Светлане, а второй был незнакомый мужской. Моментально подхватившись, я сел на кровати и стал непонимающе осматриваться по сторонам.

Светланы рядом со мной уже не было, но она никуда не исчезла, а сидела, полностью одетая и причёсанная, в кресле у низкого журнального столика посреди гостиничного номера. Рядом с ней, на соседнем кресле, восседал какой-то крепкий мускулистый мужчина в джинсах и светлой полосатой рубашке.

– Кто вы? – удивлённо, но не очень испуганно спросил я у него. – Что вы здесь делаете?

– Доброе утро, Игорь! – ответил он и неторопливо закурил сигарету. – Одевайтесь, я подожду. Не будете же вы беседовать со мной в таком пикантном наряде.

Стесняться мне было некого, поэтому я быстро натянул брошенные впопыхах у кровати брюки и майку, сунул в карман закатившиеся под кровать ключи и телефон и встал около столика в ожидании объяснений.

– Понимаю, что я здесь в гостях, – начал я первое, что пришло на ум, – и не мне требовать у хозяйки номера каких-то объяснений, поэтому спрашиваю непосредственно у вас, молодой человек: что вы здесь делаете? Простите, именем вашим не интересуюсь, потому что оно мне совершенно неинтересно.

– Что я делаю в этом номере? – переспросил мужчина и усмехнулся. – Ого, как агрессивно! А мне казалось, что вам будет несколько неудобно, ведь вас застали в номере с незнакомой женщиной...

– Неудобно перед кем? – Если этому мужичку хотелось меня разозлить, то своей цели он почти добился. – С женой мы давно в разводе, ни перед кем у меня никаких обязательств нет, так что я человек свободный. Куда хочу, туда и иду. С кем хочу, с тем и провожу время...

– Это уж точно! – кивнул головой мой собеседник. – Вас никто не вправе упрекнуть, тем не менее...

– Вот именно! – перебил я его. – И я, и Светлана – люди совершеннолетние, отвечающие за свои поступки, поэтому и не нужно никого ни в чём упрекать.

– Вы так думаете? – Мужчина ещё раз усмехнулся и сосредоточил своё внимание на огоньке сигареты, которую курил. – А ведь у Светланы в России есть родственники: мать и дочь. Как вы думаете, им приятно будет посмотреть фильмик о том, как вы кувыркались в этом гостиничном номере ночь напролёт?

– Какой ещё фильмик? – удивился я. – Вы что, установили здесь камеру и снимали всё, что происходило?

Я недоумённо посмотрел на Светлану, которая всё это время молча сидела в кресле, и лицо её было бледным и растерянным.

– Да! – Мужчина рассмеялся и помахал в воздухе своим сотовым телефоном. – А как же без этого? – И заметив, что я сжимаю кулаки, поспешно прибавил. – Но-но, не стоит пытаться отнять у меня телефон. Во-первых, у вас это не получится, а во-вторых, съёмку я уже переслал, куда надо...

– И куда же вам было надо? – Я поморщился и потёр переносицу. – А главное, зачем? Вы же взрослый человек, а играете в такие глупые игрушки. Вам-то самому не стыдно? Хотите меня шантажировать и развести на деньги? Так сразу сообщаю, что денег у меня нет, поэтому вы промахнулись. И даже если бы были, вы всё равно ничего не получили бы...

– Не нужны мне ваши деньги, уважаемый Игорь. – Мужчина нахмурился и мельком глянул на часы. – Будем играть в открытую. Всё это действительно было не совсем интеллигентным розыгрышем, который понадобился лишь для того, чтобы с вами встретиться и поговорить. И Светлана, которая якобы случайно обратилась к вам вчера с поломанной сумочкой, и

ночь, проведённая с нею. И даже съёмка, которая была сделана в самом деле, но никуда мною пока не отправлена...

– Вы что, шутите? – удивился я. – Дурацких детективов начитались? Для чего я вам понадобился? Не могли просто, без всяких подставных женщин, подойти ко мне на улице и сообщить о том, что хотите со мной поговорить? Неужели я бы отказался побеседовать?

– Вы бы меня просто послали подальше, особенно когда узнали бы, для чего мне нужны.

– Интересный поворот! – Я присел на край кровати и стал внимательно разглядывать этого новоявленного Джеймса Бонда, потом перевёл взгляд на Светлану. – Светочка, скажи мне, только честно, это всё какой-то глупый розыгрыш? Или ты заодно с этим человеком?

Она молча кивнула головой и отвернулась.

– И ты была в курсе того, что нас с тобой снимают?

Светлана промолчала, и тут мне, наконец, стало совсем противно.

– Как же вам, господа, не стыдно только! – Я не знал, что обычно говорят в подобных случаях, лишь махнул рукой и принялся надевать сандалии. – Никакого разговора у нас не получится даже сейчас. Можете выкладывать свои съёмки хоть всем обманутым мужьям подряд, хоть на Центральное телевидение. Гадко это всё и пошло...

Догадавшись, что я настроен решительно и через минуту уйду отсюда навсегда, мужчина поспешно заговорил:

– Не торопитесь, Игорь, и не делайте поспешных телодвижений. Вы даже не поинтересовались, о чём я хотел побеседовать с вами, если уж использовал для знакомства такой нетрадиционный способ.

– Мне это, знаете ли, абсолютно не интересно!

– Ошибаетесь. Вам-то как раз это будет очень интересно. То, что мы собираемся предложить вам...

– Простите, кто – вы? Какая-то спецслужба? Новозеландская разведка? Так вы обратились не по адресу – я работаю в столярной мастерской, где никаких секретов нет... А если бы я даже и знал какие-то столярные секреты, то после этого вашего глупейшего шантажа ни за что вам их не выдал бы!

Мужчина внимательно следил, как я одеваюсь, застёгиваю брюки, а потом сандалии, расковыряю по карманам кошелёк, ключи и телефон, и когда я уже направился к дверям, вдруг заговорщически сообщил:

– Вам передаёт привет Виктор Николаевич. Помните такого?

...Когда-то давным-давно, ещё до Литературного института, я учился в машиностроительном техникуме, где увлекался бардовской музыкой, сносно играл на гитаре и даже сочинял песенки на всевозможные темы. Там-то я впервые и столкнулся с печально известной конторой, которой нужны были стукачи, чтобы отслеживать недовольных в студенческой среде, и мне было предложено пополнить их несметную рать. Отказаться от этой замечательной возможности не удалось, потому что, с одной стороны, в конторе уже были записи некоторых моих крамольных выступлений в кругу друзей, и это в те благословенные времена спокойно тянуло на небольшой, но вполне реальный тюремный срок. С другой же стороны, моя успеваемость в техникуме была настолько неблестящей, что меня при желании начальства можно было спокойно отчислять после каждого семестра. Даже без подсказки из конторы. Но в данном случае, мне было предложено спокойное существование, а в качестве бонусной морковки весьма мощное тайное покровительство и железную гарантию, что техникум будет успешно закончен. Деваться мне было некуда, и я малодушно согласился. Более того, мне намекнули, что при малейшей строптивости вопрос с отчислением решится и без участия техникумовского начальства.

История моих дальнейших взаимоотношений с конторой была довольно прозаической и скучной. Наблюдать, выискивать и фиксировать крамолу в среде своих друзей мне совершенно не хотелось, ибо я сразу понял, что стоит обмолвиться моему куратору неосторожным словом или намёком о ком-то из сокурсников, и понеслось – человека моментально брали в разработку, начинали проверять по всем параметрам, и всегда находилось что-то такое, за что его можно наказывать. Всё-таки я не был наивным и глупым парнишкой, чтобы не понять, какой богатый опыт накопила в своих арсеналах всевидящая и всеслышающая «гэбуха», от одного упоминания про которую у людей начиналась нервная дрожь.

Не раз я раздумывал о том, как бы мне поскорее завязать своё совершенно дурацкое и постыдное сотрудничество с нею. Откровенно конфликтовать даже после окончания техникума я не решался, потому что при всех начавшихся демократических реформах в стране контора была всё ещё сильна и всевластна. Требовалось отыскать какой-то иной вариант, при котором мои услуги или стали бы ненужными, или обесценились бы.

Врать и гнать откровенную чепуху – вот что нужно делать, неожиданно пришло мне в голову. Пускай меня лучше сочтут свихнувшимся на откровенной шпиономании, зато и доверять больше не будут, а потом постепенно отстанут. Лучше ходить с ярлыком откровенного придурка, но спокойно спать по ночам и не испытывать угрызений совести перед своими друзьями, которых подло за спиной закладываешь...

И, надо отдать должное, это сыграло. После нескольких совершенно глупейших «донесений», которые, по заведённому в конторе порядку, тщательно проверили и перепроверили, меня очередной раз вызвали на ковёр и покрутили пальчиком у виска. В другой ситуации я бы, наверное, обиделся на такую характеристику моих умственных способностей, но не в этот раз. На сей раз я был несказанно рад. Даже счастлив.

Правда, потом меня приглашали ещё несколько раз и пробовали нагружать новыми заданиями, но мне уже нравилось нести откровенную ахинею. Главное, как я понял, здесь нужно не перестараться, а то поймут, что я просто издеваюсь над ними, и тогда... Что бы было в таком случае, я даже прикидывать не хотел. Но, ясное дело, ничего хорошего.

И всё вроде бы потихоньку успокоилось, потому что встречи с кураторами постепенно прекратились, и спал я отныне спокойно, а больше всего радовался тому, что могу открыто смотреть в глаза друзьям и не пытаться запоминать крамольные слова, которые они лягнули ненароком, чтобы потом передать очередному своему куратору-комитетчику.

А вскоре я собрался уезжать в Израиль. Долго тянул с подачей документов и очень боялся, что мои бумаги лягут на стол кому-то из моих прежних секретных знакомцев, и он, зло-радно посмеиваясь, толстым красным карандашом размашисто начертает убийственное слово «отказать». А ведь такое вполне могло случиться – у страха глаза велики.

Но документы я всё же подал и, как ни странно, отказа не получил. И только уже за несколько дней до отъезда, когда я, хмельной и усталый от многочисленных проводов с друзьями и родственниками, шёл по улице, рядом со мной остановился невзрачный «жигулёнок», и из него вышел мой самый последний куратор, которого звали Виктором Николаевичем.

Заметив мой произвольный испуг, он усмехнулся и подхватил меня под руку:

– Не бойся, Игорёк, ничего плохого я тебе не сделаю. Мы – уже не та всемогущая контора, какую были ещё десять-пятнадцать лет назад. Хотя... – он глубокомысленно поднял палец вверх, – коечто всё ещё можем. Остался, знаешь ли, порох в пороховницах.

Некоторое время мы неторопливо шли по тротуару, и, как в шпионских боевиках, следом за нами медленно полз по проезжей части «жигулёнок».

– Что же ты, брат, почти со всеми друзьями попрощался, а с некоторыми даже по несколько раз, – продолжал насмешливо терзать меня Виктор Николаевич, – а самых главных своих друзей, то есть нас, забыл? Некрасиво! – Он минутку помолчал и сказал. – Этак ты нас и в своём Израиле забудешь!

– Не забуду! – искренне признался я и не соврал. – Разве вас когда-нибудь забудешь?
– Вот и я то же самое думаю... Слушай, можно тебя попросить об одной небольшой услуге?

– Где? В Израиле?

– А ты разве в другое место собираешься?

– Как вы меня там найдёте, если я даже сам не знаю, где окажусь?

– Найдём, если потребуется, не сомневайся.

– Ну, и что за услуга?

Просьба Виктора Николаевича показалась мне крайне несуровой. Но я их уже не боялся. Во-первых, контора мне смертельно надоела ещё здесь, и всё последнее время я старался всячески избавиться от её пристального внимания, да, видно, так и не избавился, а во-вторых, можно вполне наобещать ему золотые горы, пока я ещё здесь, а там, в Израиле, послать подальше, если кто-то из них и в самом деле придёт ко мне. Всё равно они мне уже ничего там сделать не смогут. В какие-то детективные повороты с отравлением презренного изменника или выстрелом изза угла я совершенно не верил. Не тот я персонаж, чтобы на меня устраивать охоту.

Но Виктор Николаевич был далеко не дураком, чтобы не прочесть по моему лицу злобные мысли, роящиеся под моей черепной коробкой:

– Ты можешь спокойно ехать, куда захочешь. Никто тебе мешать не собирается. И даже будет очень хорошо, если твоё устройство там пройдёт успешно, без проблем. Помочь тебе там, как ты сам понимаешь, мы уже ничем не сможем. Но... вдруг когда-то понадобится нашему человечку твоя посильная помощь. Ты не против? Ничего криминального или противоречащего твоим новым сионистским идеалам. Безопасность Израиля, – последние слова он выговорил с лёгкой иронией, – от нашего обращения к тебе никак не пострадает.

– И что же вам от меня может понадобиться? Ни друзей, ни знакомых у меня там пока нет. Да и появятся ли – никто гарантировать не может.

От моих слов Виктор Николаевич даже рассмеялся:

– Упаси бог, чтобы мы заставляли тебя следить за кем-то или выполнять какие-то шпионские задания. Мы же, в конце концов, с тобой не в детективном сериале. Просто иногда может возникнуть необходимость кому-то что-то передать через тебя... Не бойся, не бомбы и не какие-то секретные материалы – наша страна с Израилем в дружеских отношениях! Мелочи какие-нибудь... Ну, чтобы просто не забывать о нашей дружбе. Ведь тебе же ничем наша контора не насолила, а наоборот помогла закончить техникум. Разве не так?

– Ничем не насолила, – покачал я головой, и мне снова стало тошно, как в те достославные времена, когда наши встречи были регулярными. Слава аллаху, всё последующее время, что я учился после техникума в Литературном институте, встреч с комитетчиками не было.

Когда мы с ним, наконец, расстались, мне немного полегчало, потому что я жёстко решил, что только пересеку границу, сразу выброшу из головы всё, что связано с конторой. Ну, а если уж это до конца не удастся, то, по крайней мере, ни на какие новые контакты с ними больше не пойду. Начнут настаивать и давить, самолично отправлюсь в полицию или «Шабак» – куда там следует обращаться в подобных случаях? – и во всём признаюсь, как на духу...

...И вот прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как я оказался здесь, а контора ни разу о себе не напомнила. Я и в самом деле почти забыл про неё, даже написал юмористический рассказ о наших взаимоотношениях и опубликовал его в центральной газете. Мне всегда казалось, что нужно описать в рассказе или стихотворении какое-то событие или собственное состояние, которые не дают тебе покоя, и тогда этот морок покинет тебя, перейдёт на исписанный тобой лист, станет чужим и безопасным. И, кажется, мне это отчасти удалось.

Или – не удалось, если судить по тому, что происходило сегодня.

Немая сцена, наступившая после того, как мужчина, сидевший в кресле рядом со Светланой, сообщил мне о старом знакомом из конторы, несколько затянулась. Я даже произвольно вытянул сигарету из пачки и щёлкнул зажигалкой, но так и не прикурил.

– Что вы замолчали, Игорь? – невозмутимо спросил мужчина. – Никак не можете вспомнить, кто такой Виктор Николаевич? Напомнить?

– Не надо. Я помню его. И что же ему от меня понадобилось спустя столько лет?

– Вот это другой разговор. Более конструктивный. Присаживайтесь, побеседуем.

Я вернулся от двери и послушно сел в кресло подальше от Светланы, которая теперь тоже старалась не смотреть в мою сторону.

– Весь этот концерт с... – я кивнул в сторону расстеленной кровати, – был разыгран с одной целью – вытащить меня на беседу? Я правильно понял? Не слишком ли масштабная постановка?

– А разве вы стали бы вспоминать о своём старом знакомом при другом раскладе?

– Не стал бы, – честно признался я.

– В том-то и дело. – Мужчина поёрзал в кресле и потянулся зажигалкой к моей сигарете. – Маленький невинный шантаж чудеса творит.

– Какой это шантаж? – кисло усмехнулся я. – Меня ничто не держит, и я могу прямо сейчас встать и спокойно уйти отсюда.

– Тем не менее, не уходите? А шантаж и в самом деле пустяковый. Даже, я бы сказал, поганенький. Съёмки-то ваших ночных кувырканий никому на самом деле не интересны, потому что, как вы сказали, у вас даже супруги сегодня нет. А вот некоторым израильским конторам, коллегам нашей конторы, может, показаться интересным... Не поймите меня неправильно: вам никто ничем не угрожает и не выкручивает руки, а всё это затеяно исключительно ради того, чтобы привлечь ваше внимание и напомнить о себе.

– Странно вы это как-то излагаете. – Я всё пытался тянуть время, стараясь привести голову в порядок и придумать, как себя вести дальше. – Ладно, не будем тянуть кота за хвост. Что вы конкретно хотите от меня?

3

Передо мной на столе лежала бумага, на которой не было никаких грифов, заголовков и подписей, лишь текст, набранный уборым печатным шрифтом. Я эту бумагу прочёл уже дважды, но ничего интересного для меня в ней с первого взгляда не оказалось. Для чего мне её подсунули?

«Станислав Юрьевич Зенкевич родился 6 августа 1939 года в городе Ленинграде. После окончания Военной академии химзащиты им. С. К. Тимошенко в 1964 году служил в Центральном военно-химическом центре, с 1972 года начал активно заниматься разработками химического оружия.

В 1980 году в составе научно-технической комиссии проводил в Афганистане экспертизу американских химических боеприпасов, участвовал в системной физико-химической и экологической экспертизе на Кубе, а затем во Вьетнаме.

В 1984 году стал заместителем начальника химических войск минобороны СССР. Занимал пост главного специалиста оперативной группы политбюро КПСС по дезактивизации аварии Чернобыльской АЭС.

В 1990-х возглавил программу по переработке химического оружия, параллельно создал и возглавил Центр экотоксиметрии при Институте химической физики им. Н. Н. Семенова РАН.

В 1993 году был назначен представителем РФ в сирийском Экологическом центре в Джамрайне.

В 1995 году госдепартамент США утвердил персональные санкции против Зенкевича, обвинив его в контрабанде вещества двойного назначения».

– И это всё, ради чего вы так темпераментно жаждали со мной встретиться? – спросил я у мужчины, имени которого так до сих пор и не узнал. Впрочем, я этого и не собирался делать, чтобы не воображал, будто дальнейшее общение с ним представляет для меня какой-то интерес. Достаточно имени моего бывшего куратора из конторы.

– Конечно, нет, – усмехнулся он, – но это первоначальная информация, с которой вы должны ознакомиться. Дальше будет интересней.

– Должен? – насторожился я. – Никому ничего я сегодня не должен!

– Я, наверное, неправильно выразился. Для вас эта информация должна представлять некоторый интерес, я бы даже сказал, личного характера.

– А вот с этого места подробнее: какой у меня может быть личный интерес к совершенно незнакомому мне человеку, да ещё российскому генералу? Это имя мне абсолютно неизвестно, и я никогда об этом человеке ничего не слышал...

Мы по-прежнему сидели в гостиничном номере, а Светлана, сделав нам по чашке кофе, пересела к телевизору и теперь, демонстративно не обращая на нас внимания, смотрела какую-то музыкальную передачу, приглушив звук.

Лицо моего собеседника, как и в самом начале разговора, было совершенно невозмутимым. Голосом монотонным, как у школьного учителя, диктующего классу, он продолжал:

– Если вы знаете, у вашего покойного батюшки...

– А вот моего отца прошу не трогать! – сразу взбеленился я. – Он достаточно настрадался за свою жизнь. И ваша контора в том сыграла не последнюю роль!

– Время тогда было такое. Не только он один пострадал... Сами представьте: зима 1942 года, ваш отец вышел из окружения, дважды попадал в плен к фашистам и каждый раз бежал, восемь месяцев добирался до своих. В глухих белорусских деревнях, что ли, отсиживался всё это время?.. Как к нему должны были отнестись фронтовые особисты?

– Вы и такие детали знаете? Основательно же вы подготовились к разговору со мной!

Мужчина пожимает плечами:

– Это наша работа!.. Если в то время наши коллеги не сумели или не захотели разобраться во всех подробностях, то мы это делаем сейчас.

– Ну, и в чём же вы сейчас разобрались? Отец не один выходил из окружения. Сотни солдат и офицеров, таких же, как он, месяцами пробирались к своим сквозь полесские леса и болота. Почему же его сразу записали во враги народа и дали десять лет лагерей? Вы это считаете правильным решением?

– Действительно, не сотни, а тысячи выходили из окружения, но среди них были и такие, кто соглашался работать на немцев в тылу Красной Армии, и нужно было их выявлять.

– Но отец...

– По каждому человеку наши контрразведчики опрашивали свидетелей и тех, кто выходил из окружения в одной с ним группе. Приятель вашего отца, который шёл всю дорогу плечом к плечу с ним, оговорил его. То ли его запугали, то ли он сам решил таким образом спасти шкуру, подставив товарища... А тогда долго не церемонились – приговор тройки, десятка лагерей и вперёд на воркутинские шахты...

Всё, что он сейчас рассказывал о моём отце, я в основном знал. Вот только понять не мог, для чего контора сегодня подняла это старое архивное дело? Ведь отца давно реабилитировали, то есть «простили», хотя никаких извинений из официальных структур ему так никто и не

принёс. То есть, обвинение сняли, а из врагов народа так и не вычеркнули. С этим он и жил до самой своей кончины.

– Знаете, уважаемый, – вздохнув, сказал я, – мне тяжело и крайне неприятно разговаривать на эту тему, да и смысла продолжать этот разговор я не вижу. Отца уже нет в живых двадцать лет – зачем ворошить прах?

– Согласен с вами. Но в данном случае вас должен заинтересовать один небольшой фрагмент из его биографии. Ещё довоенной. Вам что-нибудь отец рассказывал о своей довоенной жизни?

– Он мне вообще почти ничего не рассказывал. Особенно о том, что с ним происходило до моего рождения. Я разбирался лишь по документам, которые остались после него. Знаю, что он родился в Вязме в бедной многодетной семье, единственный из всех получил высшее образование. Очень рано уехал из дома в Ленинград, где учился в Финансово-экономическом институте. После его окончания почти до самой войны служил в армии, освобождал Западную Украину и Западную Белоруссию. Это всё есть в документах и анкетах... Но вам-то это для чего сейчас слушать именно в моём изложении? Поднимите документы из своих архивов.

– С вашей матерью он встретился уже после освобождения из лагерей?

– Да, в пятьдесят втором году.

– А вам известно, что у него до войны была семья?

– Что-то я об этом слышал, но никаких подробностей узнать не удалось.

– А вам это было интересно?

– А как вы думаете! Я даже у отца спрашивал, но он только отшучивался, мол, что было, то было, и я, мол, сам уже всё давно позабыл. После этого я решил, что, если отец не хочет мне ничего рассказывать, значит, есть на то причины, и мне совать нос сюда не стоит.

– У вашего отца и в самом деле до войны была семья. Он женился на своей однокурснице ещё в институте, и у них даже родился мальчик.

– Вот как! – удивился я. – Честное слово, я об этом ничего не знал. И где же они сейчас – мать и ребёнок?

– Не торопитесь. Всё по порядку. Когда ваш отец ушёл на фронт, они остались в Ленинграде, где проживали постоянно. А потом он попал в плен, и, когда вышел к своим и был осуждён на десять лет, жена отказалась от него. В какой-то степени её можно было, наверное, понять. И так жизнь тогда была нелёгкой, а тут ещё оказаться в роли жены врага народа – никому такого не пожелаешь. Брак был односторонне расторгнут, и известие об этом ваш отец получил, уже находясь в лагерях за Полярным кругом. После этого женщина вернула себе девичью фамилию и порвала все отношения с родственниками бывшего мужа. И это, поверьте, далеко не единичный случай.

– И какая же, интересно, у неё девичья фамилия? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Зенкевич. А звали её Екатериной Васильевной. Сына же её звали Станиславом.

Моя рука потянулась за листом бумаги, который всё это время лежал передо мной на столе, и у меня перехватило дыхание:

– Вы хотите сказать...

– Да. В этой информации идёт речь о вашем брате по отцу Станиславе Юрьевиче Зенкевиче...

Глупей ситуации, наверное, и придумать было невозможно. Я, человек, который прожил большую половину жизни и, как казалось мне, знавший всю свою родословную до дедов и прадедов, вдруг обнаружил, что у меня существует какой-то неизвестный мне брат по отцу, ни разу за всё время не засветившийся на моём горизонте! Хотя... зачем ему это? Кто ему сегодня я? И кто он сегодня мне?

Ну, да, поступила его мать по отношению к своему мужу подло и даже по-предательски, бросив человека в самую тяжёлую минуту жизни, но малолетний-то ребёнок, родившийся у них в браке, он-то совершенно ни при чём! Какие у меня могут быть к нему претензии? И ведь он наверняка даже не подозревает о моём существовании.

Можно представить, как складывалась его жизнь после войны. Наверняка пацаном он не раз спрашивал у матери об отце. Но что она ему отвечала? Погиб на фронте? Вероятней всего...

А отец, освободившись из заключения и не имевший права приближаться к столичным городам ближе, чем на сто один километр, поехал не в Ленинград, где жил до войны, а к своим родственникам, эвакуированным на Урал, где и познакомился вскоре с моей мамой, тоже находившейся там в эвакуации. Она к тому времени уже получила похоронку на своего первого мужа, горевшего в танке и умершего в госпитале от полученных ранений. Так их и свела горькая судьба, моих отца и мать – моих самых родных и близких людей на свете...

И всё-таки... брат...

– Для чего вы мне это рассказали? – мрачно спросил я мужчину, вежливо помалкивающего и исподлобья наблюдающего за моей реакцией.

– Перечитайте ещё раз эту бумагу. – Он ткнул пальцем в лист передо мной. – Вам ничего в ней не показалось интересным?

– Нет. Кроме разве того, что этот человек занимал довольно высокие посты, потом занялся производством запретных химических веществ и химическим оружием, а сегодня находится в Сирии. И этот человек, по вашим словам, мой брат. Ну, и что с того?

– Вот мы с вами и подошли к самому главному, о чём я хотел поговорить. Этот человек действительно всю свою жизнь работал в оборонке и занимался исследованием и разработкой новых видов отравляющих веществ до тех пор, пока это было официально разрешено.

– Что значит разрешено?

– Вы когда-нибудь слышали про Конвенцию о запрещении химического оружия?

– В общих чертах.

– Иными словами, название слышали, а в чём суть конвенции не знаете, не так ли?

– Разве из названия не понятно, что с какого-то определённого времени всем странам запрещено производить и использовать химическое оружие? Ну, а то, что уже существует, необходимо уничтожить под наблюдением каких-то международных комиссий. Угадал?

– В целом, угадал. Все страны, подписавшие конвенцию, должны были доложить в специально для этого созданную комиссию о накопленном количестве отравляющих веществ и приступить к их уничтожению... Кстати, Светочка, – он обернулся к сидящей у телевизора Светлане, – сделай нам ещё по чашечке кофе.

Ни слова не говоря, Светлана забрала наши пустые чашки и отправилась кипятить воду.

– Вообще-то, мне не очень интересно беседовать сейчас о каких-то конвенциях, – сказал я, – не моя это тема. Но из вашей информации я понял, что этот Станислав активно занимался разработкой химического оружия и в какой-то момент, когда это оружие решили запретить, попал под каток. Я угадал?

– И да, и нет. Специалисты такого уровня, как он, какие бы гонения против них ни затевали, всегда востребованы и никогда без дела не остаются. Может, и не в России, где они добились лучших своих результатов, тем не менее, они всегда найдут себе тёплое денежное местечко.

– Вы хотите сказать, что при всех своих регалиях и постах он по-прежнему сегодня занимается разработкой оружия?

– Вероятней всего, уже нет, потому что возраст у него уже почтенный. Да и особой информации о нём сегодня нет.

Я снова заглянул в листок и прочёл вслух:

– «...В 1993 году был назначен представителем РФ в сирийском Экологическом центре в Джамрайне. В 1995 году госдепартамент США утвердил персональные санкции против Зенкевича, обвинив его в контрабанде вещества двойного назначения...». Этой бумаге уже более двадцати лет, верно? А чем он в действительности занимается сейчас? По-прежнему находится в Сирии? Неужели вы ничего не знаете? Ни за что не поверю.

Мой собеседник молча проследил за тем, как Светлана поставила перед нами чашки с кофе и вернулась к телевизору.

– В том-то и дело, что никто этого точно сегодня не знает. – Мужчина поболтал ложечкой в чашке и отхлебнул глоток. – Может быть, он в Сирии, а может, и в каком-то другом месте. У наших спецслужб есть подозрение, что Станислав Зенкевич может сейчас находиться даже здесь, в Израиле.

– После его-то работы с нашим лютым врагом? – усмехнулся я.

Тут уже пришёл черёд усмехаться мужчине:

– Как вы, Игорь, прямолинейно рассуждаете! По-вашему, враг – это враг, друг – это друг, и первого нужно уничтожать, а второго гладить по головке... Поймите, то, чем занимался Зенкевич, может представлять интерес для многих секретных служб – и дружественных, и враждебных. Тем более, он, вероятно, прекрасно понимал это и нисколько не опасался выступать в роли продавца секретов, которыми обладал. Когда на кону стоят большие деньги, национальная принадлежность покупателя мало что значит для продавца. А ведь для этого нужно обладать большим мужеством и хорошими связями. Притом российские спецслужбы, с которыми генерал долгое время сотрудничал, больше не были для него в приоритете...

В нашей неторопливой беседе наступила некоторая пауза. И только сейчас я почувствовал, как гудит у меня голова, и я начинаю соображать всё меньше и меньше.

На часах почти полдень. На работе наверняка меня уже хватились, но хозяин пока не позвонил. Видимо, работы и в самом деле немного, поэтому там вполне могут обойтись без такого замечательного и необходимого работника, как я. Пропущенный день мне, конечно, не оплатят, но то, что я узнал сегодня от этого странного человека, безусловно, стоит денег, которых я недополучу.

– Знаете, что, – пробормотал я, – рассказанное вами безумно интересно и требует осмысления, но я так и не понял, для чего вы всё это затеяли? Ведь не случайно же была эта ночь, – я кивнул в сторону Светланы, – потом ваша информация о первой семье моего отца, а на закуску рассказ о коммерческой – или как её ещё назвать? – деятельности моего новоиспечённого брата. Вам же от меня наверняка что-то нужно взамен? Иначе зачем рассказывать?

– В принципе, необходима ваша минимальная помощь в одном щекотливом дельце. – Мужчина несколько замялся. – Но, я чувствую, вы сейчас не готовы к нашему дальнейшему разговору. Перебор с информацией, ведь так?

Я молча кивнул в ответ.

– Тогда давайте поступим следующим образом. На сегодня у нас всё, а завтра встретимся снова. Идёт? Смею вас, Игорь, уверить, что продолжение разговора будет не менее увлекательным, чем его начало. А для вас ещё и выгодным.

– Вы мне предложите заняться поисками брата, и за это я получу вознаграждение? – неожиданно вырвалось у меня. – Вам он для чего-то нужен?

Мужчина рассмеялся и даже хлопнул в ладоши:

– Для таких вещей, как поиски, вы не очень годитесь. У вас нет для этого ни навыков, ни возможностей. Просьба будет заключаться в другом... Но давайте не будем торопиться, всему своё время.

И уже перед тем, как выйти из гостиничного номера, я услышал в спину его слова:

– Между прочим, если захотите продолжить общение и встретиться с нашей Светланой сегодня вечером, то никаких препятствий для этого нет. И никаких съёмок не будет. Обещаю. Ты, Светочка, не против?

Я не расслышал, что ответила Светлана, но мне показалось, что «нет».

– Мы с вами свяжемся, Игорь Юрьевич, до свидания...

4

Из гостиницы я вышел, как говорили в старинных сентиментальных романах, в полном смятении чувств.

Все годы после переезда в Израиль никаких серьёзных потрясений, по большому счёту, я не испытывал. Случались, конечно, какие-то неприятности, не раз я оказывался лопухом, терял деньги там, где нормальный человек их только приобретал, но всё это было чем-то несущественным и несерьёзным. Даже когда мы расстались с супругой по причине полной моей неспособности противостоять житейским невзгодам, я воспринял это относительно спокойно. Что-то, значит, не позволяет мне существовать и встретить счастливую старость в спокойной семейной обстановке, решил я, будем выкручиваться иным способом. Но что это за способ, я так и не узнал, хотя было какое-то смутное предчувствие, что рано или поздно произойдёт давно ожидаемая перемена в жизни, которую я наверняка заслужил своим спокойным и незлобивым характером...

Однако неожиданно выяснить, что в моём не таком уж юном возрасте у меня появился брат, о котором я раньше не ведал, это было уже чем-то запредельным. Конечно, у мужичка, снабдившего меня этакой информацией, следовало попросить каких-то более существенных доказательств кроме сухой распечатки из непроверенных источников всего на одном листе и его осведомлённости об истории моей семьи. Впрочем, представителям конторы вряд ли имело смысл не доверять – не те они люди, чтобы сочинять заведомо ложные вещи. Хотя... хотя и проверить их не помешало бы, но как это сделать? Обращаться самому в какие-то российские архивы? Сомнительно, что получу ответ...

Побродив немного по улицам, я глянул на часы и решил, что можно, наверное, появиться для порядка и на работе. Поработаю три-четыре оставшихся часа, а там и время до вечера промчится быстрее. Но, с другой стороны, было и абсолютно ясно: чем я ни стану заниматься сейчас, все мои мысли будут далеко отсюда. Куда только ни направлю свои стопы, ноги сами приведут меня, едва начнёт темнеть, в гостиницу к Светлане.

Ничего странного в этом я больше не видел. Во-первых, давно уже такие женщины не встречались мне в моей скучной и однообразной жизни, а во-вторых... Была ещё одна немаловажная причина. Несмотря ни на что, мне очень теперь хотелось ещё раз встретиться с её напарником, представителем зловещей конторы, от которой я так всегда хотел скрыться подальше. Жаль только, что имени его я так и не узнал. Впрочем, если бы он захотел назваться Виктором Николаевичем, именем моего последнего куратора, то я бы возражать не стал, пускай оно так и будет. Мнето какая разница?

В голове у меня творилось что-то невообразимое: впервые в жизни мне стало совершенно безразлично, какую цену потребует от меня контора за раскрытие тайны своего семейства. Оставаться в неведении, слегка прикоснувшись к этой тайне, и спокойно существовать дальше я уже не мог. Ну, не дьяволы же там, в конце концов, сидят, чтобы потребовать мою душу – всю, без остатка!

Хозяин мебельной мастерской немного поворчал на меня за прогулянные полдня, но к работе допустил. По моей древесной классификации этот руководящий «тополь» – на более ценные породы дерева он не тянул! – мужик вовсе неплохой, хоть и зациклен на зароботке.

Построенной виллы и нескольких домов для своих сыновей и дочерей ему явно недостаточно. По всяким испаниям и тайландам он исправно катается с женой дважды в год. Никаких иных интересов у него, кроме работы и этих поездок, нет, впрочем, осуждать его не за что. Так он устроен. И уж наверняка не менее счастлив, чем я.

Время текло не быстро и не медленно. Руки сами что-то мастерили, а в голове беспрерывно крутились мысли сперва о Светлане, потом я постепенно стал раздумывать о неизвестном мне Станиславе Юрьевиче Зенкевиче. Пока ничего, кроме отчества, нас не роднило, но я пытался представить, как он хотя бы выглядит внешне.

Судя по дате рождения, это человек уже преклонного возраста. Почти под восемьдесят. Обычно в такие годы старики и смотрятся соответственно – сгорбленные, с палочкой, с огромными проблемами от прогрессирующей деменции и прочих возрастных болячек. Хотя, может быть, и ошибаюсь. И хорошо было бы, если бы ошибся. Не хочется увидеть человека на закате его дней полной развалиной, если, конечно, это когда-то удастся. Но увидеть перед собой молодого румяного гусара я вряд ли рассчитывал.

Какова же всё-таки его внешность? Неужели человек из конторы не мог притащить его фотографию? Ведь наверняка она у них есть. Надо, наверное, попросить при ближайшей встрече. Или он не стал показывать её намеренно?

– Здравствуйте! – раздался негромкий голосок за моей спиной.

Я обернулся и увидел своего вчерашнего знакомого, который приглашал меня посидеть в кафе, выпить пива и поговорить о нелёгкой репатриантской судьбе.

Ох, как не вовремя он пришёл! Я никогда не возражаю против спонтанных посиделок с новым человеком, но сегодня вечером это вряд ли получится.

– Я вас ждал вчера, – на всякий случай сухо сообщил я ему, – мы же договаривались.

– Простите мерзавца, – он развёл руками, – не получилось. Какие-то мелкие делишки всегда отвлекают, а потом являешься домой усталый, с ног валишься, и всё просто из головы выскакивает... Но я решил заглядеть свою вину, и явился сегодня. Приглашаю вас не просто на пиво, а на полноценный ужин. Давно, знаете ли, хотел с кем-то выпить под хорошую закуску по рюмке водки, да всё никак не складывалось. А вы, чувствую, человек интересный, и с вами будет просто удовольствие пообщаться в приятной обстановке.

Что он прицепился ко мне, пронеслось у меня в голове, видно, здорово человека допекла наша непростая израильская жизнь. Хватается за самую малейшую возможность пообщаться с новым собеседником.

– У меня сегодня вечером запланирована встреча, – сообщил я ему, – боюсь, что просто не будет времени.

– Жаль, – ответил он и замолчал, переминаясь с ноги на ногу.

Вид у него был настолько печальный и даже несчастный, что мне стало его искренне жалко.

– Хорошо, – решительно махнул я рукой, – сейчас попробую отпроситься у хозяина, и тогда у нас будет час посидеть в кафе. Правда, я и так сегодня работаю только с обеда...

Не знаю, почему я согласился пойти в кафе с этим совершенно незнакомым человеком. Наверное, мне всё-таки нужно было с кем-то поделиться своей радостной новостью о брате. Держать такую вещь в себе я просто не мог. Мне требовалось, кровь из носа, выговориться перед кем-то, послушать чужое мнение, и пускай бы мне даже позавидовали! А почему бы, спрашивается, и нет?

Бледное лицо моего нового знакомого расцвело, и он принялся кивать головой, как китайский болванчик:

– Мы посидим совсем немного, я вас уверяю! Сколько сами захотите и ни на минуту больше... Не волнуйтесь, я вас пригласил, значит, я и заплачу...

Хоть вечер по-настоящему ещё не наступил, ни в одном из кафе в округе свободных мест уже не было. Лишь в небольшом русском ресторанчике под названием «Скатерть-самобранка» нашёлся незанятый столик, и то всего на два часа, потому что потом здесь должно проводиться какое-то торжество.

– Принесите нам бутылку водки, овощные салаты и шашлыки, – резво скомандовал официанту мой новый знакомый, сразу превращаясь из жалкого ботаника в разбитного парня, которому море по колено.

Здорово же преображаются некоторые, подумал я, наблюдая, как он смело и даже слегка развязно располагается за столом, отодвигает в сторону, так и не пролистав, меню и косится на стоящие рядом фужеры с рюмками.

– Я вам так и не представился, – протянул он руку, – меня зовут Евгением.

– А меня Игорем, – усмехнулся я, – что ж, будем знакомы.

По первой рюмке мы выпили за знакомство, а потом принялись за салат. Только сейчас я понял, как голоден, потому что с самого утра у меня во рту ничего, кроме двух чашек кофе, выпитых с комитетчиком, не было.

И уже после второй рюмки, когда мы неторопливо принялись за шашлыки, Евгений заметил:

– Вижу, как вы, Игорь, прямо-таки светитесь от чего-то. Вчера вы так не выглядели. Я угадал?

– Возможно, – только и ответил я с набитым ртом.

– Не сомневаюсь, что это какое-то радостное событие, ну, или известие. И вам не терпится им с кем-то поделиться. Готов порадоваться вместе с вами...

Я молча жевал и исподлобья поглядывал на своего собеседника. Быстро же он превратился из унылого и застенчивого репатрианта прямо-таки в хозяина жизни, который умело раскручивает застольную беседу, не перехватывая инициативу, а только подталкивая собеседника на откровения. И вообще, сегодня он выглядел совершенно не таким, каким был вчера.

А он меня не торопил, лишь уверенно наполнил по третьей рюмке и подцепил на вилку дольку помидора.

Вытерев рот салфеткой и отодвинув от себя пустую тарелку, я торжественно провозгласил:

– Да, Евгений, вы правы. Очень важное для меня событие произошло сегодня утром. Мне сообщили, что у меня, оказывается, есть брат, о котором я раньше не подозревал. Всю свою жизнь я был уверен, что у моего отца есть единственный ребёнок – я. А у него, оказывается, до знакомства с моей матерью была первая семья и сын. Война развела их. Плохо это или хорошо, не знаю, но, если бы этого не случилось, то и я бы не сидел сегодня перед вами. Отец никогда никому о своей прежней семье не рассказывал.

– Что вы говорите?! – ахнул Евгений. – Да за это мало по одной рюмке выпить! Сейчас я попрошу официанта принести ещё бутылку.

– Не стоит. Нас же пустили сюда всего на час, да и у меня встреча сегодня. Некрасиво, знаете ли, являться под градусом.

– Встреча с женщиной, небось? – ухмыльнулся Евгений.

– Давайте не будем об этом... Так вот, сообщение о брате меня потрясло. Теперь передо мной стоит задача его разыскать. Правда, пока не знаю, как это сделать, и вообще, жив ли он.

– Разве он не здесь, в Израиле?

– Думаю, что нет. А может, и здесь.

– Как такое может происходить?

Я вытащил из кармана сложенный вчетверо листок, который получил в гостинице от напарника Светланы, и Евгений молча принялся читать.

– Вон оно как! – протянул он удивлённо. – Этот ваш братец, чувствуется, очень непростой человек. Столько высоких постов занимал и наверняка был засекречен, так что в Израиль его вряд ли пустят. Да и сам он сюда не поедет. А если ещё в придачу и химическое оружие упоминается...

– Помнится, вы мне говорили, что по специальности инженер-химик, – напомнил ему я, – может, вы в теме и просветите меня: что такое «вещества двойного назначения», о которых там упоминается?

Евгений пожал плечами и сказал:

– Я занимался разработкой лекарственных препаратов, а вещества двойного назначения... Что-то я слышал о них краем уха. Это, наверное, такая обманка, когда химическая формула, например, формула лекарства используется для какой-нибудь иной цели, например, для создания новых видов сельскохозяйственных удобрений и при производстве ядов или химического оружия. Всё зависит от поставленных задач. С нашими лекарствами нередко такая же история происходила... Может, давай уже на «ты» перейдём?

– Конечно.

От выпитой водки в груди у меня потеплело, и сразу стало легко и спокойно. Я почти не слушал слов Евгения, который принялся многословно и с ненужными подробностями рассказывать какие-то случаи из собственной практики о лекарствах, дававших совсем неожиданный эффект. В голове у меня по-прежнему прокручивалась мысль о брате, и если раньше я ни за что не поверил бы в его реальное существование, то сейчас, в лёгком подпитии, был почти уверен, что непременно его разыщу в самое короткое время и, наконец, с ним познакомлюсь. Но не оставляла меня и маленькая чёрная мыслишка: для чего мне нужен этот неожиданно возникший родственник? Неужели мне плохо живётся без него? С другой стороны, если уж он есть, то как это оставить без внимания?

– Слушай Игорёк, – Евгений раскраснелся, и язык у него заплетался всё больше и больше, – ответь на один вопрос: откуда ты узнал о брате? Кто-то же тебе о нём сообщил? Этому человеку можно доверять? И почему он раньше на тебя не вышел, а только сейчас?

– Не могу я тебе про этого человека ничего сказать! – Я решительно замахал руками и даже погрозил. – Это... страшная военная тайна! За её разглашение можно и пострадать!

– Да ладно тебе! – в ответ замахал руками Евгений. – Какая тайна?! Мы же друзья, и у тебя есть от друзей секреты? Некрасиво так поступать, я в тебе просто разочаруюсь... Нет уж – сказал «а», говори «б»! Я теперь тебя одного не оставляю, и мы вместе разыщем его. Раскроем твою страшную военную тайну...

– Зачем тебе мой брат?

– Хочу заглянуть в его бесстыжие глаза и спросить: если ты занимал такие высокие посты, почему своему близкому родственнику не помогал, а? Где ты был всё это время?!

И хоть мой собутыльник нёс уже полную ахинею, я зачем-то принялся его горячо убеждать:

– Он же о моём существовании не знал, как и я о нём!.. И потом, не забывай, что он сейчас глубокий старик – ему под восемьдесят! Что ты у него собираешься спрашивать?..

Хорошо, что в это самое время к нам подошёл официант и сообщил, что час, на который нас сюда пустили, истёк, и нам пора подобру-поздорову выметаться из ресторана.

После душного ресторанного помещения свежий вечерний воздух нас взбодрил, и мне показалось, что Евгений как-то очень быстро протрезвел, но почему-то по-прежнему пытался изображать из себя пьяного. Он чуть ли не вцепился в мой рукав и принялся громко объяснять, что одного меня никуда не отпустит, потому что опасается за меня, ведь я наверняка сейчас собрался встречаться не с женщиной, а с человеком, который преподнёс мне «военную тайну», и только якобы он, Евгений, сумеет убедить его, насколько бесчеловечно и жестоко

томить человека в ожидании встречи с братом. В конце концов, он даже силой выколотит из этого информатора адрес старика, и мы на пару отправимся к нему прямо сейчас. А зачем откладывать встречу родственников в долгий ящик? И так прошло уже столько лет.

Я, конечно, пытался ему объяснить, что собрался в гости не на какие-то переговоры, а, как и говорил, к женщине, с которой у меня весьма романтические отношения, но Евгений даже слушать не захотел.

– Если мы с тобой друзья, то у нас не должно быть никаких секретов друг от друга! – продолжал он настаивать, размахивая руками. – Покажи мне свою женщину, чтобы я тебе поверил. Тогда отстану!

Это уже выходило за рамки приличий, и я грубо оборвал его:

– В конце концов, какие мы с тобой друзья? Мы знакомы всего второй день! Если я говорю тебе, что иду к женщине, то разве красиво будет, если мы завалимся к ней вдвоём, да ещё подшофе?! Как хочешь, но если ты собираешься продолжать дружбу со мной, то давай сейчас расстанемся, а встретимся завтра... Ну, или послезавтра, когда буду свободен...

Мы, наконец, обменялись номерами телефонов, и на прощание Евгений сказал мне:

– Беру с тебя обещание, что завтра, когда тебе не нужно будет идти по твоим кобелиным делам, мы с тобой встретимся и вплотную займёмся поисками брата. Это для меня теперь дело чести!

– Договорились. – Я был готов сейчас согласиться со всем, что угодно, лишь бы поскорее отвязаться от него. – Всё, до свидания!

Но сразу после избавления от навязчивого нового друга в гостиницу к Светлане я не пошёл. Хотелось немного развеяться и хоть чуть-чуть протрезветь после такой совершенно незапланированной пьянки в компании со случайным человеком. Всё происходившее сегодня выглядело чем-то крайне ненужным и лишним, да и сам себя я теперь считал человеком необязательным и пустым. Впрочем... впрочем перед комитетчиком, который непременно будет рядом со Светланой, мне хотелось выглядеть абсолютно независимым человеком, и было совершенно безразлично, каким я перед ним предстану. А то ещё подумает, что я по-прежнему готов сотрудничать с конторой, то есть опасаюсь его и боюсь сделать лишнее телодвижение.

Встречаться же с ним я больше не собираюсь. Сегодня – последний раз. И то только для того, чтобы до конца прояснить ситуацию с братом, не больше.

В сгущающихся сумерках я подошёл к освещённому входу в гостиницу и посмотрел по сторонам. Когда-то давно Виктор Николаевич учил меня всегда осматриваться перед тем, как явиться на встречу с куратором на какой-нибудь арендованной для подобных целей квартире. Для чего эти шпионские предосторожности были тогда необходимы, я так до конца и не понял. Вероятней всего, для того, чтобы никто из друзей или знакомых не заподозрил меня в тайных контактах с конторой. Но меня это тогда несколько не волновало. Более того, я искренне желал подобного прокола, чтобы от меня поскорее отвязались. А уж сегодня беспокоиться и вовсе незачем. Никаких продолжений контактов, упрямо твердил я себе, не будет. Мне лишь бы узнать побольше сведений о Зенкевиче, а главное, его адрес или как с ним можно связаться. Потом я и сам открыто выскажу этому человечку из конторы всё, что думаю о нём и его коллегам. Едва ли у них есть ещё какие-то секреты, против которых я не устою и стану так же нетерпеливо, как сегодня, дожидаться новой встречи.

– Здравствуйте, вы к кому? – приветствовал меня из-за гостиничной стойки молодой приветливый парнишка в белой рубашке с игривой чёрной бабочкой на тонкой шее.

– Мне необходимо попасть к своей знакомой в 234 номер.

– Как её имя?

– Зовут её Светланой. Она туристка из России.

– Секундочку. – Парнишка стал листать толстый журнал, лежащий перед ним на стойке, потом полез в компьютер и через секунду огорчённо развёл руками. – Простите, но госпожа Светлана у нас не проживает.

– Как не проживает?! Я был у неё вчера вечером и... и сегодня утром. И номером я ошибиться не мог...

– Простите ещё раз, но среди постояльцев у нас вообще нет ни одной госпожи по имени Светлана.

– А туристы из России?

– У нас с самого начала недели никто из России не останавливался.

– Проверьте ещё раз. Может, вы что-то путаете?

Но никакой ошибки не было. Туристы из России в гостинице и в самом деле за последнее время не останавливались. На помощь парнишке пришёл даже хозяин отеля, невысокий сухощавый старик, но и он, в конце концов, был вынужден развести руками.

Такого поворота событий я не ожидал. Не оставалось ничего другого, как только молча развернуться и пойти к выходу. Но уже у самых дверей меня окликнул парнишка с бабочкой:

– Простите, как вас зовут?

– Игорь, – обернулся я.

– Тут нам оставили записку. Это, вероятно, всё-таки для вас.

– Кто её оставил?

– Не знаю. Это была не моя смена. Вероятно, кто-то с улицы.

Я вернулся и взял у него вчетверо сложенный листок, на котором по-английски было написано большими печатными буквами «IGOR».

Развернув, я прочёл всего три слова, напечатанные на компьютере: «С вами свяжутся».

5

Сразу домой я не пошёл. Просто я бы не смог там найти себе места. Помимо желания ноги привели меня на набережную, где я присел на лавочку и принялся обдумывать создавшуюся непростую ситуацию. Ни на что другое я сейчас не был способен.

С одной стороны, мне совершенно не хотелось продолжать встречи с представителями конторы, которым наверняка что-то понадобится от меня, хотя за последние четверть века, что мы не встречались, пора было бы им и понять, что я уже не тот убогий и зашуганный студентик, готовый на всё, лишь бы его оставили в покое и дали дотянуть до выпускного вечера в техникуме. Теперь я вполне могу отказаться от контактов с ними, и шантажировать меня сегодня просто нечем. Хотя информация о брате, которую я получил от них, для меня крайне важна, и так легко обрывать дальнейшее её получение я не готов. И ведь они поступили по-иезуитски хитро и расчётливо – сообщили лишь часть того, что знают, а остальное придётся у них выпрашивать. Идти к ним на поклон. А потом в ответ непременно последует какая-то просьба.

Я уже не сомневался, что если они каким-то образом свяжутся со мной, то я никуда не денусь и прибегу на встречу, даже не задумываясь о последствиях. Но... как они со мной свяжутся? Номера своего телефона, насколько помню, я ни им, ни Светлане не давал. Где живу и работаю, они тоже не знают. Или... уже узнали? Чёрт их знает, какие у них возможности! Наверняка уже разведали, если так уверены в нашей новой встрече.

Ещё раз перечитав записку, я проверил лист с обеих сторон, но никакой ясности не наступало.

Некоторое время я наблюдал за тем, как последние лучи заходящего солнца быстро растворяются в темнеющем на горизонте море, и на смену им выплывает пятнистая огромная

луна. Потом понял, что никаких приключений сегодня больше не предвидится, и, вздохнув, отправился домой.

Несмотря на неожиданный облом, настроение у меня было неплохое. Радостное предчувствие будущих открытий не оставляло меня. Ну, не случилось этого сегодня, но завтра они будут точно.

То и дело я прокручивал в голове ситуацию со своими новообретёнными родственниками. Ещё бы – хоть мать этого неизвестного мне человека, который формально является мне братом по отцу, по сути дела, предала своего мужа, отчего он до самого своего последнего дня ни разу не вспоминал о них, всё равно, как ни крути, чужими считать их я уже не мог. Да и виноват ли в чём-то этот Станислав, который видел отца последний раз в двухлетнем возрасте? Естественно, мать ему ничего не рассказывала о «враге народа», от которого отрёклась в лихую годину. Может быть, её даже заставили это сделать. Всем было в то время несладко – и правым, и виноватым.

Не уверен, что, если мне каким-то чудом всё-таки удастся встретиться со Станиславом, станет больше ясности в моей или его жизни, но уж точно, что от этого никому хуже не будет.

С этой мыслью я смежил ещё не до конца протрезвевшие очи и благополучно провалился в царство Морфея до самого утра.

Последующие два дня прошли тихо и спокойно. Никто мне не звонил и не пытался со мной встретиться, и у меня даже возникла мысль, что всё это в какой-то степени розыгрыш. Вроде дурного сна, которому отчаянно веришь, но стоит проснуться, и всё возвращается на круги своя.

И всё равно мне было непонятно: кому этот розыгрыш понадобился? Для чего? Может, всё произошло совершенно случайно, и какой-то отставной комитетчик поворошил старые архивы, наткнулся на информацию и решил от скуки поиграть с чужими судьбами? Только интересна ли эта информация кому-то кроме меня? Да и ему какая от этого выгода?

Короче говоря, философски рассудил я, получит история продолжение, значит, так тому и быть, а не получит – что ж, обижаться не на кого. Разве что на себя и на своё нетерпение оказаться в импровизированном индийском фильме с финалом, где, обливаясь слезами, счастливые родственнички падают в объятия друг к другу. Впрочем, наличие или отсутствие новоиспечённого братца при любом раскладе вряд ли что-то изменит в моей сегодняшней размеренной жизни, потому и беспокоиться не из-за чего. И тем не менее...

Но в пятницу утром, когда я, аки праведник, добросовестно трудился на своей мебельной ниве, лишь изредка поглядывая на часы, потому что день сегодня короткий и трудиться предстояло всего до трёх часов дня, в кармане у меня затрещал мобильник.

Женский голос, показавшийся удивительно знакомым, поинтересовался:

– Игорь, это вы? Светлана вас беспокоит...

– Ой, Светочка, здравствуй, дорогая! – В горле у меня моментально запершило, а по копчику побежала сладкая щекотная волна. – Куда же ты исчезла? Я приходил на следующий день в гостиницу, но тебя там уже не оказалось...

– Долго рассказывать, Игорь. – Голос Светланы сразу стал ниже тоном и каким-то бархатным. – Может, мы снова сегодня встретимся?

– С удовольствием! Куда прийти и когда? Я готов, как юный пионер...

Светлана коротко хохотнула и ответила:

– Я бы хотела на пляж, на море. Да вот точно не знаю, где лучше.

– Значит, так, – сразу же деловито ухватился я за идею, – сегодня до трёх я занят на работе. Но потом предлагаю поступить так. Где-то полчетвёртого я подхватчу тебя на машине, и мы прокатимся до одного неплохого пляжа за городом. Поверь, что на центральном городском пляже в это время будет столько народу, что не протолкнуться, а за городом – чистое море, песок, скалы, почти никого...

– Я тебе доверяю, – сразу согласилась Светлана. – Где тебя ждать?

В южном направлении почти до самой границы с Газой вдоль приморского шоссе непрерывно идут пляжи. Честно признаться, я не особенно знал, какой из них лучше, потому что бывал на них довольно редко. Но не сомневался, что отдыхающей публики там заведомо меньше, чем на центральных городских.

Мы ехали со Светланой в моей старенькой облупившейся «мицубиси», и я краем глаза поглядывал на белёсую морскую полосу, бегущую справа от нас, прикидывая, где можно остановиться.

– Скажи, – наконец, не выдержал я, – куда вы с этим... ну, с человеком, с которым мы беседовали, исчезли из гостиницы? Ведь я приходил к тебе на следующий день, и мне сказали в лобби...

– Мы там и не жили, – ответила Светлана, – просто договорились, что нам дадут номер на сутки, и всё. Таких суточных постояльцев там даже не записывают в журнал и документов у них не спрашивают.

– Конспирация? – хмыкнул я. – Сняли номер на сутки только для того, чтобы встретиться со мной?

– Да. А что тут такого?

Мне сейчас очень не хотелось продолжать шпионскую тему. Лучше вспоминать о чём-то более приятном, но что-то заставляло меня возвращаться и возвращаться к нашей первой встрече.

– Значит, всё у вас было распланировано заранее? И встреча на улице, и поломанная сумка, и ночь в гостинице, и встреча утром с... кстати, как зовут этого человека? Я у него тогда не поинтересовался.

– А от кого он тебе привет передавал, помнишь?

– От моего старого знакомого ещё по России Виктора Николаевича.

– Ну, и зови его так. – Светлана пристально посмотрела на меня и отвернулась к окну. – Он не будет возражать.

Может, у меня чересчур богатое воображение, заносящее время от времени старого шестидесятилетнего дурака туда, куда не следует, но мне показалось на миг, что я попал сейчас в какой-то ржавый, но безотказный капкан, расставленный коварными чекистами из тридцатых годов прошлого века, где действуют непреклонные партийные начальники и суровые исполнительные дамы, по необходимости и без возражений ложащиеся в постель к подозреваемому преступнику. Аргумент, оправдывающий любой поступок этих зомби: «ничего личного». Всё у таких исполнителей точно рассчитано и скрупулёзно отмеряно, однако... какую ценность я для них представляю? Ума не приложу...

– Ты так и не ответила на вопрос: где этот... Виктор Николаевич сейчас? Он обещал закончить рассказ о моём брате. Ведь это же было главной целью нашей встречи?

– Какие у него планы, я не знаю, он меня в них не посвящал, – пожала плечами Светлана, – но если обещал встретиться с тобой, то непременно встретится. Он никогда не обманывает.

Какие бы нехорошие подозрения ни приходили мне сейчас в голову, я никак не мог поверить, что эта девушка могла беспрекословно выполнять приказы своих суровых шефов и так искусно имитировать страсть в постели... Неужели наша ночь входила в чьи-то планы, и всё в ней было разложено по полочкам? И потом съёмки на телефон, которые были или нет, неизвестно...

Видно, Светлана что-то почувствовала и даже схватила меня за руку:

– Ты, Игорь, наверняка подумал, что я какая-то шлюха, которую используют по мере необходимости всякие злые дядьки из враждебной разведки? Ведь думал же?

– Ничего не думал! – смутился я и отвернулся.

– Всё это совсем не так, – помолчав некоторое время, сказала Светлана тихо, – да, я помогаю ему, но... сам посуди, разве он что-то пытался у тебя выведывать? Разве ты обладаешь какими-то секретами, которые могут кого-то заинтересовать? Начитался, небось, глупых книжек про шпионов... А он наоборот разыскал и выложил информацию, которая тебе интересна. Что в этом плохого?

– Тогда что всё-таки происходит? – не вытерпел я. – Зачем кому-то, кроме меня, понадобилось разыскивать моего брата? И существует ли он в действительности? Не знал бы я про него, и всё было бы спокойно.

– Не знаю. Говорю же, что он меня в свои планы не посвящает, да мне и не нужно знать ничего лишнего... Скажу лишь одно. Можешь мне не верить, но это правда: я никогда раньше не встречала такого человека, как ты.

– Такого лоха, как я?! – Я уже почти злился на неё, и мне на мгновение пришло в голову, что нужно всё бросить, отвезти ей назад в город и распрощаться уже навсегда. Как бы это ни было мне больно.

– Перестань...

На её глазах выступили слёзы, и сердечко во мне сразу взволновано заколотилось. Если всё это по-прежнему игра, то какая же она потрясающая актриса! Так классно сыграть какая-то банальная оперативница, раздвигающая ноги по приказу шефа, по моему пониманию, просто не сможет.

– Ладно, проехали. – Я осторожно снял руку с руля и погладил её коленку, и сразу же её ладонь, по-прежнему горячая и слегка влажная, легла на мою руку. – Сейчас мы едем отдыхать, загорать и купаться, а всё остальное – да гори оно синим пламенем! Больше никаких разговоров о твоих начальниках, моих братьях и прочей ерунде...

Безымянный пляж, на который мы натолкнулись совершенно случайно, оказался именно тем самым райским уголком, который я загадал перед началом нашей поездки. На море небольшие зелёные волны, светло-серый песок мелкий и чистый, людей вокруг почти не видно, а солнце уже потихоньку сползло к горизонту и почти не пекло. Рай земной...

Светлана долго не выходила из воды, а я больше сидел на камешке, курил одну сигарету за другой и разглядывал её стройное, почти не загоревшее, но от природы смуглое тело. Уж, и не знаю, как расценили бы мои немногочисленные друзья такое поведение убелённого сединами джентльмена-пролетария, но я, несмотря на все свои комплексы и подозрения, напоминал сейчас нетерпеливого безусого юнца, который до смерти влюбился в женщину, впервые ответившую ему взаимностью.

Наконец, она накупалась вволю и обессиленно рухнула на песок рядом со мной.

– Игорь, – неожиданно спросила она, – а ты не жалеешь, что приехал в Израиль? Только честно, без лозунгов.

– И сам не знаю, – пробормотал я, – просто у меня принцип такой: если уж что-то сделал, то потом не оглядываться назад, не жалеть упущенное и не грызть себя... Я даже не задумывался об этом ни разу – что сделал, то сделал.

– А кем ты работал, когда жил в России?

– Разве в вашем комитетском досье это не указано?

Светлана помолчала минуту и сказала обиженно:

– Я не знала, что ты такой грубый...

– Какой есть. Жизнь заставила.

Видно, я всё-таки перебрал со своими ехидными репликами, и Светлана на меня обиделась. Некоторое время она лежала на песке, отвернувшись, потом легко подхватила и побежала к морю. А я по-прежнему безучастно следил за ней и даже полез в карман за следующей сигаретой.

– Игорь, – донеслось до меня, – иди сюда!

– Я вроде больше не собирался лезть в воду, – недовольно буркнул я, но в горле у меня почему-то перехватило.

– Иди сюда, – повторила Света, – я жду...

Вода приятно холодила ноги, но чем глубже я заходил в воду, тем сильнее билось моё сердце. А потом мне на плечи легли её руки, и я окончательно позабыл обо всём...

Мы снова лежали на песке и тяжело дышали. Никогда раньше у меня ещё не было этого в воде, но всё произошло спонтанно и поистине волшебным. Шестнадцатилетний мальчишка, два дня назад пробудившийся во мне, был в диком восторге, и всё внутри меня просто ликовало.

– Света, – тихо позвал я её, – прости меня, пожалуйста...

– За что? За что мне тебя прощать?

– Ну, не знаю. За то, наверное, что я такой нетерпеливый и грубый. Всего хочу сразу...

– Я тебя понимаю. Не за что мне тебя прощать.

Перевернувшись на спину, я принялся смотреть в быстро темнеющее небо. Звёзд ещё не было, но сквозь лёгкие полупрозрачные облака уже проглядывала бледная луна.

– Поехали куда-нибудь ужинать, – предложил я, – угощу тебя средиземноморской кухней, вина выпьем.

– И то верно! Я жутко проголодалась.

В город мы вернулись, когда уже наступил вечер. Улицы были полны публикой, выбравшейся из закрытых помещений после долгого знойного дня на вечернюю прохладу, а на набережной было совсем замечательно. Отовсюду лилась музыка, во всех кафе и ресторанчиках сидели люди. Такие же, как мы, проголодавшиеся и только что вернувшиеся с моря, которых запах жареного на углях мяса просто сводил с ума.

Найти место в одном из рыбных ресторанчиков нам всё же удалось. После купания аппетит и у меня, и у Светланы был волчий, поэтому мы без лишних разговоров съели по большому блюду овощного салата, и немного сбавили обороты, только когда приступили к рыбе.

– Я так ещё и не спросил у тебя, – вдруг вспомнил я, – когда твой шеф собирается снова встретиться со мной? Ты же понимаешь, что я в нетерпении, а ему-то зачем тянуть время?

– Меня он в свои планы не посвящает, – сразу нахмурилась Светлана и, заметив мой недоверчивый взгляд, быстро проговорила, – честное слово, не знаю! Но увижу его, спрошу. Хотя он со мной никогда не советуется и не любит лишних вопросов.

Некоторое время мы сидели и слушали музыку, потом я предложил после сытного ужина неторопливо прогуляться по набережной. Светлана отрицательно помотала головой:

– Нет, что-то я устала. И на солнце, видимо, перегрелась, голова немного побаливает. Лучше закончим на этом...

Когда мы вышли из ресторанчика, на улице была уже глубокая ночь. Людей стало меньше, и хоть кафе и ресторанчики всё ещё продолжали работать, но музыка стала тише, и появились первые свободные столики.

Мы медленно пошли по улице, и когда впереди замаячила припаркованная мной машина, я предложил:

– Ну, что, поедем ко мне? Надеюсь, твой суровый начальник тебя не хватится, если за весь день ни разу ни мне, ни тебе не позвонил.

– Нет. – Светлана покачала головой и даже слегка оттолкнула меня. – На сегодня всё.

– Как всё? – удивился я. – У нас же так прекрасно прошёл день, давай и завершим его прекрасно.

– Я же сказала нет, значит, нет! Не уговаривай меня, пожалуйста.

– Что ж, – разочаровано протянул я, – как хочешь... Давай хотя бы провожу или подвезу тебя до места, где ты остановилась. Как я понимаю, к той гостинице, где мы встречались первый раз, ехать больше не нужно?

– Знаешь, милый, я доберусь сама, пешком. – Её лицо сразу превратилось в какую-то неподвижную маску, а губы сжались в ниточку. – Езжай домой. Когда понадобится, с тобой свяжутся.

– Но ты мне так и не сказала...

– Всё, Игорь, до свидания.

Не говоря больше ни слова, Светлана повернулась и пошла по улице. Некоторое время я глядел ей вслед, потом сел в машину, но тут же выскочил наружу и осторожно отправился за ней следом. Попробую-ка скрытно проследить, куда она пойдёт. Едва ли от этого будет большая польза, но – чем чёрт не шутит?

А она тем временем дошла до светофора и свернула за угол. Чтобы не упустить её из вида, я вприпрыжку понёсся вперёд. Сыщик из меня, конечно, никакой, но что есть, то есть. Ещё раз упустить эту женщину, которая мне очень нравилась, больше не хотелось. А ведь она вполне может спокойно исчезнуть и никогда больше не появиться в моей жизни, и сам разыскать её я вряд ли сумею. Нет у меня ни единой зацепки – кто она и откуда. А может... может, и зовут её не Светланой?

Но сразу за углом меня ожидал очень неприятный сюрприз. Передо мной лицом к лицу возникла Светлана, и лицо её было теперь перекошено от злости:

– Я же попросила тебя оставить меня в покое, что тут непонятного? Ты хочешь всё испортить? И так уже...

– Нет, – виновато пробормотал я и покраснел.

– Тогда отправляйся домой и больше не преследуй меня. Ну, я жду...

6

Налоговую службу никто не любит. По доброй воле сюда ни один нормальный человек не приходит. Даже если твой бизнес успешен, все налоги до последней копейки уплачены, а отчёты поданы вовремя, всё равно, приходя сюда, на душе неизменно возникает беспокойство – вдруг ты что-то пропустил или недосмотрел, и в наказание за это местные торквемады заготовили тебе очередной штраф, от которого уже не отвяжешься, и оспорить который не удастся даже самому крутому бухгалтеру. Короче, лобное место, на котором отсекли не одну неповинную голову.

Этим утром в самом дальнем офисе на третьем этаже здания, в котором, кроме налоговой службы, располагается много городских муниципальных учреждений, сидело двое мужчин и неторопливо беседовали друг с другом. Компьютер – неизменный спутник и помощник современного офисного клерка – был выключен за ненадобностью, а входная дверь приоткрыта, чтобы можно было поглядывать вглубь коридора, тянущегося до самых лифтов.

– Послушай, Рами, – проговорил один из мужчин, тот, который был постарше, – чтобы у тебя возникало меньше вопросов, доведу конечную цель затеянной нами операции, ну, и, конечно же, результат, который хотелось бы получить в итоге. Но перед этим – маленькое вступление. Готов слушать? Только всё запоминай, ничего не записывай.

Рами молча кивнул головой.

– Ни для кого не секрет сегодня, что самая главная задача всех без исключения мировых спецслужб – это отслеживание экспериментальных разработок и промышленного производства современных видов оружия. Важнее задачи, наверное, нет. Ты же видишь, что сегодня творится с иранской ядерной программой. Но в данном случае разговор идёт не о каких-то секретных технологиях, а скорее о демонстрации намерений и бряцании несуществующим ору-

жем, ибо никто и, в первую очередь, мы никогда не позволим создать это оружие в Иране. Тут уже давно борьба ведётся в политической плоскости, и работа спецслужб в этом направлении ограничивается вспомогательными и информативными функциями, и в меньшей степени разведывательными... Гораздо важнее для нас то, что не предаётся широкой огласке. В первую очередь, повторяю, это разработка действительно новых и прежде не существовавших видов оружия – химического, бактериологического и того же ядерного. Чтобы это отслеживать, необходимо действительно потратить много усилий, денег, а главное, иметь людской ресурс. А результат, как всегда, непредсказуем. Никто не знает, сколько существует сегодня новых исследовательских лабораторий и центров, какие учёные там работают, где они располагаются. В частности, для нас задача поиска и выявления подобных фактов – одна из приоритетных в работе. Наша страна не настолько велика, чтобы мы могли что-то игнорировать или не замечать мелочей, которые могут представлять для нас хотя бы самую минимальную потенциальную угрозу...

Сидящий напротив Рами, снова молча кивнул головой и продолжал слушать дальше.

– Ты уж прости меня за несколько официальный тон, но без этого нельзя... Нашей главной стратегической задачей сегодня является предотвращение новой глобальной войны, последствия которой могут быть катастрофическими не только для нас, но и для всего мирового сообщества. Наши скрытые и явные враги прекрасно понимают это, а, кроме того, понимают, что мы не хотим допустить создания новых видов оружия массового поражения. Потому они и сосредоточили свои усилия не на нём, а на создании поражающих веществ локального применения. Что это такое? Это, в первую очередь, всевозможные отравляющие вещества. Применяя их, можно ликвидировать как отдельных людей – политиков, военных, учёных, так и целые регионы – городские кварталы, целые города, отдельные местности, не нанося значительных разрушений планетарного масштаба. Это сегодня самый, наверное, эффективный способ противостояния враждующих сторон. К сожалению, уже опробованный.

– А новые виды стрелкового оружия, ракеты, авиация и прочее? – проявил эрудицию Рами.

– Верно. Всё это тоже развивается стремительными темпами, но контролировать такое, согласишься, куда проще, так как это трудно скрывать от посторонних глаз, да и меры противодействия этому оружию можно предпринять ещё до начала его массового изготовления и применения. С отравляющими веществами иная картина. Если не иметь на ранней стадии информации о том, что в каком-то совершенно нейтральном, скажем, фармацевтическом или сельскохозяйственном исследовательском центре разрабатывают вещество отравляющего характера, то есть яд, то отследить все стадии его производства очень тяжело. Но мы, несмотря на все трудности, занимаемся этим. Есть у нас успехи, но есть, к сожалению, и досадные промахи... Часто к нам поступает информация уже вторичная – об успешном использовании неизвестных отравляющих веществ, о которых мы совершенно ничего не знали. Это и есть наш прокол. Поэтому мы всеми силами стараемся такого не допускать.

– Как я понимаю, шеф, разговор идёт о нарушении международной Конвенции о запрещении химического оружия? – снова перебил его Рами. – Я просматривал основные её положения, и там прописаны конкретные сроки уничтожения уже существующих видов оружия по странам и строгий запрет на их дальнейшее воспроизводство. Понятно, что официально все подписавшие Конвенцию государства выполняют свои обязанности, а вот то, что творится тайно, за кулисами, никем не отслеживается. Отсюда наша задача...

– Именно так. Одна из типичных уловок некоторых стран-подписантов – это перенос исследовательских и испытательных баз на территории стран, пока не подписавших Конвенцию, или стран, отказывающихся это сделать. Для полноты информации сообщу, что из 193 государств-членов ООН Конвенцию подписали 190 стран. Из шести оставшихся две подписали, но пока не ратифицировали – это мы и Мьянма, а четыре – Ангола, Северная Корея,

Египет и Южный Судан вообще не собираются ничего подписывать. Что касается нашего закадычного соседа Сирии, то она подписала самой последней из всех стран – осенью 2013 года... А теперь вопрос на сообразительность: как думаешь, почему это сделано лишь недавно, хотя никто не мешал Сирии сразу пойти по стопам своих арабских соседей и спонсоров?

– Думаю, что на территории Сирии как раз и оставались тайные лаборатории по производству химического оружия. Но откуда там специалисты такого уровня, чтобы могли работать на современном уровне? Иностранцы?

Шеф ничего не ответил, лишь отправился к столу, на котором стоял чайник с закипевшей водой, и налил два разовых стаканчика кофе.

– Из различных источников стало известно, – продолжал он, – что ещё со времён Советского Союза в Сирии функционировали секретные лаборатории по производству отравляющих веществ, которые курировали российские военные специалисты. Но даже несмотря на то, что Россия подписала Конвенцию ещё в 1997 году, исследования у себя дома она сократила, но до конца не прекратила. Притом не особенно сильно это скрывает. Совсем недавно СМИ стали известны опубликованные в мировой прессе откровения доктора химических наук Вила Мирзаянова⁶, бывшего начальника отдела противодействия иностранным разведкам государственного научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГосНИИОХТ), открыто заявившего о непрекращающихся работах в лаборатории СВР в Ясенево. Разговор шёл о скандальном отравляющем веществе, которое сегодня называют «Новичок». Притом в ясеновской лаборатории даже не было необходимости заниматься синтезом этого вещества напрямую, потому что ГосНИИОХТ вполне дешево и безопасно может изготовить все, что тамошние учёные пожелают. Скорей всего, в Ясенево экспериментальный «Новичок» только доводили до ума, запускали в серию и делали из него оружие для террористической атаки наподобие зонтика с рицином для болгарина Маркова.

– Ну, если всё так свободно можно было произвести в России, для чего тогда понадобилась Сирия, в которой всегда беспокойно и идёт перманентная многолетняя война?

– С одной стороны, это хороший испытательный полигон, где любые зафиксированные в СМИ эпизоды применения химических отравляющих веществ можно списать на какую-нибудь неизвестную исламскую группировку, воюющую против всех. С другой стороны, наверняка среди российских военных идут какие-то внутренние трения за первенство и командные посты. Потому и разброд в поступках. Разве у наших израильских солдафонов такого нет? Конечно, не в таких масштабах... Но если Россия сравнительно далеко, и то, что происходит на её территории, не наша, по большому счёту, забота, то Сирия – вот она, совсем рядом, и все её проблемы могут в самом скором времени стать и нашими проблемами. А мы этого допустить не можем даже гипотетически.

Шеф отхлебнул кофе и кивнул Рами:

– Да ты пей кофе, не стесняйся, разговор у нас длинный... Так вот, нас заинтересовала одна из наиболее перспективных разработок современных химических отравляющих веществ, которая получила смешное название «Новичок». Об этом сейчас все мировые СМИ не перестают трубить, особенно после того, как им отравили в Англии одного отставного российского перебежчика и его дочь. Это далеко не единственная разработка, и есть наверняка более страшные и смертоубийственные яды, но тут как бы сплелись в узел некоторые обстоятельства, мимо которых мы пройти никак не смогли.

– Секундочку! Доказано, что этот яд – именно российская разработка?

⁶ Вил Султанович Мирзаянов (род. 9 марта 1935 Башкирская АССР) – специалист в области химического оружия, деятель экологического и татарского национального движения. СМИ называют Мирзаянова разработчиком категории отравляющих веществ класса «Новичок», однако участники разработки отравляющих веществ в ГосНИИОХТ это опровергают, отмечая, что Мирзаянов только возглавлял отдел противодействия иностранным техническим разведкам в этом учреждении, имея доступ к соответствующим материалам.

– В точности нет, потому что доказать такое довольно сложно. С той стороны тоже работают не простачки и прекрасно понимают, что, если не спрятать концы в воду, то международный скандал будет обеспечен. Государство, демонстративно отказавшееся от разработок и производства химического оружия, продолжает тайно заниматься этим? Нет, такое недопустимо. Уже доказано, что порядка десяти стран, исходя из своих технологических возможностей, могут производить компоненты для этого яда. Конечно, всюду будут какие-то различия в изготовлении и некоторые характерные особенности полупродуктов, из которых готовят вещество. Полупродукт, кстати сказать, это уже вполне промышленное изделие, а не какая-то кустарная, сварганенная на коленке порция определённого химического состава. Даже по её малейшей частице любой мало-мальски опытный химик определит состав и даже вероятную страну изготовления.

– Почему же тогда показывают пальцем только на Россию, если нет пока полной уверенности в авторстве препарата?

– Ни одна страна не имеет такого опыта в изготовлении «Новичка», как СССР и его правопреемница Россия. Ни одна страна не тратила столько финансовых и людских ресурсов на его исследование, изучение химической константы, токсикологических свойств. Это долгий, дорогостоящий и трудоёмкий процесс, который на высоком уровне способна проделать далеко не каждая страна.

– Но промышленный шпионаж...

– И такое может быть. Одно дело – тупо стащить формулу, образцы, даже состав компонентов и технологию изготовления, но где взять производственные мощности для промышленных партий? Без серьёзной подготовки даже двадцать граммов настоящего современного яда не изготовишь.

– Хотите сказать, что в отсталой Сирии существуют промышленные лаборатории для этого?

– С помощью спонсора и старшего брата России они созданы. Кое-какие из них сегодня, конечно, уже разрушены и уничтожены, но кто знает, сколько их ещё осталось? Наша агентура, конечно, работает в этом направлении, но военные действия на территории Сирии осложняют эту и без того непростую работу... Однако всё, о чём мы сейчас говорили, это прелюдия, и мы с тобой собрались тут по совсем другой причине.

Шеф вышел из-за стола, бросил пустой стаканчик из-под кофе в мусорную корзину и полез в карман за сигаретами:

– Хоть ты уже приступил к заданию и даже успел доложить о первых своих шагах, я попробую тебя ввести в курс дела более подробно, чтобы ты мог свободней ориентироваться в ситуации, когда зайдёт разговор о человеке, которого стремится разыскать разрабатываемый нами объект. Этот разыскиваемый человек являлся организатором и создателем секретных сирийских лабораторий по производству отравляющих веществ. Он осуществлял связи российского Министерства обороны и сирийского правительства, то есть, по сути дела, был главным связующим звеном, без которого ничего не склеилось бы. Он не только координировал всю работу, но и выполнял некоторые секретные поручения Советского правительства. А время-то тогда было довольно непростое, потому что Россия готовилась подписать Конвенцию о запрещении химического оружия, и информация о том, что государственные структуры участвуют в строительстве новых сирийских химических объектов, послужила бы просто бомбой и огромным разрушительным ударом для имиджа государства. Потому и пришлось ему действовать тайно, на свой страх и риск, без поддержки государства, хотя поддержка, конечно, была, но уже не в такой явной форме, как раньше. Кроме того, по некоторым косвенным данным, создавалось впечатление, что этот человек действовал вообще в обход своих шефов из Министерства обороны. При вопиющем бардаке на всех уровнях власти никому никакого дела

не было до происходящего, и он мог творить всё, что угодно, вполне безнаказанно. А финансирование тем временем поступало исправно и без перебоев.

– И сколько времени это продолжалось?

– В июле 1995 года, как установил «Моссад», этот человек, кстати, имеющий звание генерала, прибыл в Сирию, где принялся устанавливать личные связи с сирийским руководством. В рамках начатого сотрудничества за помощь в создании технологий по производству химоружия ему передавались огромные суммы денег. Всё это делалось нагло и почти в открытую. В конце девяностых, получив исчерпывающую информацию от «Моссада», тогдашний наш премьер Эхуд Барак передал в Москву сведения о том, чем занимается в Сирии их генерал. Но реакции не последовало. На основании полученной информации мы неоднократно пытались достучаться до Кремля, угрожая даже «слить» данные в прессу и вызвать международный скандал, но никакой реакции так и не последовало.

Рами с интересом выслушал шефа и спросил:

– Для чего же нужна была вся эта бесполезная дипломатия? Не проще ли было просто ликвидировать зарвавшегося генерала?

– Ни в коем случае! Этот генерал был только верхушкой айсберга. Ему даже незачем было вникать в суть производства и конкретную работу непосредственных исполнителей, ведь кроме него там работало немало действительно талантливых учёных, разработчиков и исполнителей идеи «Новичка». Он являлся, повторяю, только связующим звеном между разработчиками, сирийскими заказчиками и московскими руководителями. Ликвидируй его, мы ничего не добились бы, схему не нарушили бы, зато получили бы взамен нового руководителя проекта из Москвы, и нужно было бы приложить немало усилий, чтобы подобраться к нему и выйти на контакт.

– Значит, мы каким-то образом контактировали с ним? – удивился Рами.

– Да. Потому и были в курсе всех разработок с самого начала. Он, конечно, не был нашим агентом в прямом смысле этого слова, но кое-какие сведения мы от него получали. Конечно, не безвозмездно.

– Что с ним сейчас?

– По официальной версии, которую время от времени мусолят наши и иностранные СМИ, в конце апреля 2002 года при обстоятельствах, которые до сих пор до конца не прояснены, создатель программы «Новичок» был обнаружен мертвым в кресле самолета, направлявшегося из сирийского Алеппо в Москву. Правда, в Сирии тогда сразу высказали предположение, что генерала ликвидировал зловредный «Моссад». Но на этот раз уже мы хранили молчание.

– Так его всё-таки ликвидировали?

– По официальной версии мировых СМИ, да. А на самом деле он сейчас жив-здоров и ведёт тихую размеренную жизнь под другой фамилией у нас, получает неплохую пенсию и ни с кем из прежних своих знакомых встречаться, по известной причине, не собирается. Да и мы контролируем это достаточно жёстко.

– Как же он к нам попал? Ведь по Закону о возвращении⁷...

– Во-первых, у него особый статус, а во-вторых, у него отец еврей, и он вполне официально попал под действие этого Закона... Но самое интересное состоит в том, что, несмотря на полную безопасность и защиту, он почти ничего так и не захотел рассказывать о своей деятельности в Сирии. Кое-что ему, правда, пришлось выдать, потому что без этого он не смог бы оказаться у нас в безопасности. Прежняя специфика работы научила старика опасаться даже собственной тени, а ведь у него отличное профессиональное чутьё на опасность. Ему повсюду

⁷ Закон о возвращении – закон, провозглашающий право каждого еврея репатриироваться в государство Израиль. Принят Кнессетом 5 июля 1950 года. Данный закон стимулирует возвращение евреев из стран рассеяния в Израиль.

чудилось, что его преследуют какие-то неизвестные люди. Мы это, естественно, проверяли, но ничего подозрительного не обнаружили.

– Может, у старика просто крыша поехала от шпиономании?

– Вряд ли. Дай бог, чтобы у нас с тобой в восемьдесят лет был такой ясный ум...

Но, к сожалению, теперь такая реальная опасность действительно появилась. Уже без всяких шуток... Короче говоря, руководство поставило перед нами с тобой конкретную задачу: прояснить, кому он, спустя такое продолжительное время, понадобился, и что от него хотят. Есть у меня несколько намёток, которые я изложу тебе в рабочем порядке. А пока – ты понял, что от нас требуют?

Рами пожал плечами и усмехнулся:

– Кажется, понял... У меня ещё вопрос: какой у него псевдоним сегодня?

– Сейчас у него, естественно, новое имя. Ты его узнаешь. А настоящее его имя, под которым он проходил по всем российским и сирийским документам – Зенкевич Станислав Юрьевич...

7

Ах, как некрасиво расстались мы со Светланой! И виноват во всём случившемся один лишь я. Тут и к бабке не ходи. Просто мы здесь, в Израиле, привыкли жить открыто, по-панибратски, а порой и хамовато относиться к любому, с кем общаешься. Даже к начальству относимся без должного пиетета. И сами уже не замечаем этого.

Наши девочки служат в армии наравне с ребятами, поэтому относимся мы к ним не как к слабому полу, а как к равному по силам коллеге, который может при случае прикрыть спину, а по необходимости и врезать хук с левой. Правильно это или нет – не знаю, но такое существует. Наверное, только у нас. И это, поверьте, совсем неплохо.

А Светлана – она из другого мира. Только тем ли остался тот мир, из которого я уехал почти четверть века назад? Тоже, наверное, изменился, но в какую-то свою сторону. И Светлана вместе с ним. Поэтому между мной и ею возникла странная и непреодолимая стена непонимания, которую я попытался преодолеть кавалерийским наскоком – и ничего не получилось.

Хотя... что я сделал непотребного? Чем обидел её? Ну да, попробовал проследить за ней и тут же попался. Из меня шпион, как, сами знаете, из чего пуля...

И обидней всего, что отыскать её самостоятельно по-прежнему не могу. Хотя бы для того, чтобы просто извиниться. Ничего больше. Важно даже не само извинение, а – как это сегодня принято говорить? – меседж, посыл. То есть, чтобы она поняла, что я не хочу её терять. И это уже во мне говорит не шестнадцатилетний мальчишка, томимый сексуальной истомой, а взрослый, кое-что повидавший на своём веку мужик... Я, то есть.

Мне очень хочется, чтобы она это поняла.

Вернувшись в тот вечер к себе домой и даже не включая свет в комнате, я взгромоздился на стул у окна, закурил и стал печально размышлять о своей горькой судьбине. Однако, как ни странно, грустить почему-то не хотелось. А хотелось просто спать. Философски рассудив, что жизнь всё расставит по своим местам, и её не перехитришь, как ни старайся, я отправился в кровать и сном праведника проспал до самого утра, пока меня не разбудил будильник.

Но уже на работе, усердно вкалывая, чтобы хоть как-то загладить вину перед косо поглядывающим на меня хозяином, я принялся нетерпеливо ожидать, пока зазвонит мобильник в кармане. Не зазвонит он просто не имел права! Должен же кто-то снова выйти на меня, если уж затеяли игру с передачей привета от моего бывшего комитетского куратора. История просто не имеет права обрываться на самом интересном месте! И потом – Светлана...

Но подлец-телефон упорно молчал. Я даже вытаскивал его проверить, не выключился ли он в кармане случайно. Но эта тупая побрякушка с завидным постоянством каждый раз

засылала мне всякую рекламную дребедень из интернета, и её мелодичные щелчки заставляли вздрагивать и каждый раз поспешно лезть в карман.

Я даже грешным делом вспомнил, что давал свой номер занудливому Евгению, с которым недавно пил водку, и мне очень не хотелось, чтобы он вдруг позвонил сейчас и снова настоятельно потребовал уделить ему время, чтобы попечалиться о суровых репатриантских буднях. Ох, не до него мне сегодня! А у этого парня хватит ума набрать мой номер.

Однако до самого конца работы мне так никто и не позвонил, однако, когда я стал собираться домой, хозяин мастерской поманил меня к себе и как бы невзначай сообщил:

– Тут тебе записку передали днём, но я решил не отвлекать тебя от работы и подождать до вечера, а то ты опять сорвёшься куда-нибудь, и ищи-свищи тебя потом.

У меня сразу ёкнуло сердечко:

– Кто передал?

– Какой-то мальчишка. Я сперва не хотел брать, но он сказал, что свои пять шекелей уже заработал, и назад записку не понесёт. И сразу убежал... Что в записке, не понятно, потому что написано по-русски. В ней, может быть, что-то важное для тебя?

Я молча забрал записку и прочёл:

«В 19:00 в той же гостинице».

И никакой подписи...

Если время с утра и до конца работы пролетело довольно быстро и незаметно, то с пяти до семи оно уже тянулось, как резина. Я даже домой не пошёл, чтобы не опоздать к назначенному времени. Хотел было купить букет цветов для Светланы, но у меня не было полной уверенности, что записка именно от неё.

Всё тот же клерк за стойкой в лобби гостиницы увидел меня в дверях и помахал рукой, как старому знакомому, и я даже собрался подойти к нему, но меня окликнули с диванчика, стоявшего в углу за большой пальмой в кадке.

Это оказался человек, назвавшийся именем моего бывшего куратора Виктора Николаевича. Светланы с ним рядом не было.

– Здравствуйте, Игорь, это я вам отправил записку с мальчишкой.

– Я так и предполагал.

– И вы не рады?

– Отчего же – мы договаривались о встрече. А где...

– Светлана? – Чувствовалось, что у мужчины сейчас настроение превосходное, и он даже мог позволить себе пошутить. – Вам очень хочется с ней снова встретиться?

– А что в этом такого? Мы взрослые люди и отвечаем за свои поступки.

– Да бросьте вы, никто вас ни в чём упрекать не собирается!.. Но позвольте вопрос: вы и в самом деле решили, что ей с вами интересно? Вдруг она просто выполняет моё задание, и здесь уже эмоции не играют никакой роли?

– Я в этом не уверен. По крайней мере, она показалась мне искренним и недвуличным человеком.

– Вам так показалось? – Мужчина, похоже, развеселился ещё больше и нарочно демонстративно кружил вокруг да около, но всё не переходил к тому, ради чего меня позвал. – Неужели вы полагаете, что ей, молодой и цветущей женщине, может понравиться такой пожилой, неустроенный, не очень красивый и...

– ...еврей? – закончил я за него.

– Нет, я хотел сказать – не очень умный и заводящийся с пол оборота человек.

Тут я уже начал не на шутку заводиться:

– Почему вы решили, что я не очень умный?

– Да потому что вы даже сейчас дали себя увести в сторону и занимаетесь пустой болтовнёй вместо того, чтобы взять меня за грудки и потребовать всю информацию о вашем брате, которую я обещал. А в придачу к ней свою новую зазнобу для очередных утех... Разве не так?

Я мрачно уселся в кресло напротив дивана, на котором он развалился, и отвернулся к окну:

– Что вы от меня хотите? Я ведь понимаю, что так просто вы никакой информацией делиться не собираетесь. А Светлана – может быть, она и сыграла роль приманки во всей этой истории, хотя мне очень не хочется в это верить.

– Ну, ладно, не будем ссориться, – примирительно сказал мой собеседник, – пора и в самом деле переходить к серьёзным вещам. Не хотите выйти на улицу и прогуляться по набережной? Погода сейчас чудесная, знаете ли, прохладно, бриз с моря...

– В гостиничный номер уже не пускают? Или некого под меня подложить? – Я всё ещё дулся на него.

– Это для того, чтобы у вас не оставалось ненужных иллюзий по поводу наших встреч...

Никаких его упоминаний о Светлане мне теперь не хотелось, поэтому я молча встал со своего кресла и отправился следом за ним к выходу из отеля.

– Станислав Юрьевич Зенкевич, как я уже сообщал вам, – начал мужчина, – родился в Ленинграде в 1939 году и носил фамилию вашего отца, то есть вашу, до 1942 года, когда тот вышел из окружения и был осуждён на десять лет лагерей, как враг народа. Едва это стало известно его родным, мать Станислава Екатерина Васильевна отрёклась от мужа и приняла свою девичью фамилию, которая была так же вписана и в новую метрику трёхлетнего сына. К тому времени они уже проживали на Алтае, куда были эвакуированы по дороге жизни из блокадного Ленинграда.

– Отец, находясь в лагерях, ничего об этом не знал? – спросил я.

– Наоборот, его сразу известили о расторжении брака, и он наверняка сильно переживал, но, как я понимаю, так до конца своих дней не простил бывшей жене предательства. Более того, он ни словом никогда больше не обмолвился о них, вы сами тому свидетель. Екатерина же Васильевна, насколько мне известно, как раз не скрывала от Станислава, кто его отец.

– А уж это откуда вы знаете?

– Дело в том, что в середине девяностых, после смерти матери, Станислав Юрьевич неоднократно делал запросы о данных по отцу в Центральный архив Министерства обороны России и пытался узнать его местонахождение.

– Зачем ему это понадобилось? Неужели собирался встречаться с отцом?

– Откуда мне знать, что у него было в мыслях? Может, и собирался... Далее, как вы тоже уже знаете из послужного списка Зенкевича, Военная академия химзащиты им. С. К. Тимошенко и служба в Центральном военно-химическом центре, командировки в Афганистан, Кубу, Вьетнам, работа по дезактивации заражённых объектов Чернобыльской АЭС. Прекрасный послужной список, карьерный рост. Из скромного исполнителя он постепенно вырос в пробивного руководителя проектов, в которых частенько необходимо было преступать границы закона и морали, что он делал с лёгкостью и без малейших колебаний. Сами понимаете, что такое разработка химического оружия, а он этим активно занимался ещё с начала семидесятых годов. Полная секретность и очень ограниченный круг общения. Впрочем, иных вариантов работы в этой сфере просто не существует. В 1984 году по протекции одного из членов политбюро ЦК КПСС стал заместителем начальника химических войск министерства обороны СССР. Пост уже генеральский... Так что ваш братишка, уважаемый Игорь, был не таким уж простым человечком.

– Почему был? – насторожился я. – Его больше нет?

– Есть, – усмехнулся мой собеседник, – но, как бы я выразился, нет в этом полной уверенности.

– Не понял...

– Сейчас поймёте... В девяностые годы началась широкая кампания по запрещению и уничтожению химического оружия. Наша страна, конечно, не могла остаться в стороне. Тут-то и пригодились навыки Зенкевича, который возглавил программу по переработке химоружия, параллельно создал и возглавил Центр экотоксиметрии при Институте химической физики им. Н. Н. Семенова Российской академии наук... Мы давно к нему приглядывались, как, впрочем, и ко всем людям подобного уровня. Но ещё с восьмидесятых годов, когда он стал занимать высокие посты, мы обратили внимание на некоторые особенности его характера. Как и многие люди его уровня, он был далеко не безгрешен. Иногда проворачивал не совсем законные махинации, не гнушался взятками и возможностью использовать служебное положение в личных целях. Но в этом, поймите меня верно, ничего сверхъестественного нет, если не вредит общему делу. Всё в пределах допустимого. Самые жуткие и неудобные для любой разведки люди – это идеалисты, которые за идею готовы положить свою и чужие жизни, и при этом никакие разумные доводы их не останавливают. А кроме них существуют ещё и абсолютные негодяи, для которых опять же нет никаких границ, и для достижения своих целей они готовы нарушить все правила и нормы. Зенкевич, к счастью, не был ни первым, ни вторым, поэтому мы вели за ним наблюдение не особо активно, тем более, всегда за его спиной кто-то стоял, и этот «кто-то» мог его при случае прикрыть. Это был уже уровень неприкасаемых...

Я слушал очень внимательно, и хоть мне не совсем интересно было разбираться в деталях армейской и научной деятельности этого, по сути дела, совершенно чужого мне человека, всё время ждал, пока, наконец, раскроется цель этих долгих и подробных рассказов. Мой же собеседник, похоже, не спешил и только упивался собственным красноречием.

– Вижу, вы, Игорь, слегка заскучали. Хочется экшена и крутого детектива? Не знаю, будет ли то, что я расскажу дальше, похоже на детектив, но любопытно будет – точно. Так вот, не дело, конечно, нашей конторе было отслеживать схемы вывода денег, попадавших в руки людей уровня Зенкевича, и другие их финансовые махинации, тем более, особой фантазией они не отличались и от дармовых денег никогда не отказывались. Наблюдая за их вознёй, всё-таки была у нас некоторая уверенность, что ни на что иное, попадающее в сферу наших интересов, времени у них не остаётся. Но товар, приносивший Зенкевичу неплохую прибыль в обход государства, со временем всё больше попадал в тиски запретных санкций, и пользоваться серыми схемами вывода денег становилось всё трудней. Чем жёстче становились запреты на производство и хранение химического оружия, тем больше были аппетиты у потенциальных заказчиков, а торговля производимыми продуктами или их компонентами уже полностью попадала под определение контрабанды. От контрабанды до измены родине, сами понимаете, путь недолог. А тут ещё усиливающийся разброд и полная неразбериха в стране... В 1993 году Зенкевича назначили представителем РФ в сирийском Экологическом центре в Джамрайне. Мера эта была вынужденной, так как в преддверии подписания Конвенции о запрещении химического оружия необходимо было быстро сворачивать его производство и уничтожать накопившиеся запасы на территории РФ, а перенести всё это в Сирию не составляло никакой проблемы, тем более, противоположная сторона не возражала. Главное, чтобы этим занимался человек проверенный и контролируемый, и им как раз оказался Зенкевич со своей исследовательской группой.

– В Сирию, говорите? – удивился я. – А как он туда попал, если у него отец еврей?

– Никто этого афишировать и не собирался, а сирийское руководство, с которым он общался напрямую, естественно, реагировало только на шелест купюр... Мы по-прежнему отслеживали все его шаги и контакты, но, ясное дело, тут уже появились некоторые трудности, потому что Зенкевич, вероятно, что-то почувствовал и стал более скрытным. Как мы ни

опекали его, он стал нередко ускользать от нас и даже пропадать на некоторое время. Поначалу мы решили, что это очередные его «гешефты» с подпольными клиентами, а потом стало поздно. Мы же считали, что за ним, как, впрочем, и за остальными нашими специалистами, работающими за границей, следят тамошние спецслужбы, и он поступает совершенно разумно, конспирируясь от них, но... выяснилось, что он то же самое проделывал и по отношению к нам. Однако шила-то в мешке не утаишь. Не только для нас, но и для наших противников... В 1995 году госдепартамент США утвердил персональные санкции против Зенкевича, обвинив его в контрабанде веществ двойного назначения. Тайное непременно становилось явным, и его секретность затрещала по швам... Вместе с этим, нам всё труднее становилось контролировать его и учёных, работавших с ним в связке. А тут ещё наши израильские коллеги стали наступать на пятки. Если раньше они действовали скрытно, то теперь о своих расследованиях тайных делишек Зенкевича принялись открыто сигнализировать в Москву.

– Что за коллеги?

– Не догадываетесь? Ваш израильский «Моссад».

– Я с ним ни разу не встречался. Всё больше в детективных книжках да газетах читал. А вы с «Моссадом» сотрудничаете?

– Все спецслужбы контактируют на каком-то уровне друг с другом... Но это, по большому счёту, к нашему сегодняшнему разговору отношения не имеет.

Мы прошли уже довольно далеко по набережной, однако мой собеседник, казалось, этого не замечал:

– Когда стал разгораться международный скандал с Зенкевичем, и стало понятно, что решать этот скандал придётся уже не на рабочем, а на дипломатическом уровне, было принято решение срочно отозвать его из Сирии в Москву. Тем самым, конечно, проблема не решилась бы, но за неимением фигуранта можно было бы попробовать как-то отмолчаться. И он, в самом деле, сел в самолёт, летящий из Алеппо в Москву, и в нём скоростно скончался...

– Мой брат... – выдохнул я, совершенно не ожидая такой неожиданной развязки, – умер?!

– Да. – Мужчина посмотрел на меня внимательным и долгим взглядом. – После чего был похоронен на Троекуровском кладбище с воинскими почестями. Так гласит официальная версия...

– Что значит официальная версия?!

– Дело в том, что в самолёте на его месте был обнаружен совершенно иной человек. Очень похожий и загримированный под генерала, но это был не он.

– И вы не подняли шума?

– А зачем? Во-первых, Зенкевич был, как сегодня принято говорить, уже сбитый лётчик, который никому, по большому счёту, не нужен, и дальше его использовать никак нельзя. А во-вторых, он всё-таки обладал некоторыми секретами, представлявшими государственную тайну, и начинать шумиху вокруг его гибели или исчезновения – это значило, что придётся выносить сор из избы и начинать официальные расследования с непредсказуемым исходом. А в-третьих, было ясно, что инсценировка кончины этого человека далеко не случайна, и настоящий генерал Зенкевич, по всей видимости, похищен. Не до конца понятно было лишь, кем. Хотя такое по силам только одной из разведок в этом регионе. Вашей...

– Давно это случилось?

– Я уже сказал, в апреле 2002 года.

– И что же изменилось за это время?

– Много изменилось. – Мужчина посмотрел на часы и вдруг заторопился. – Давайте, Игорь, сейчас прервём наш разговор, хоть и на самом интересном месте. У меня сейчас срочная встреча.

– Но это действительно некрасиво с вашей стороны! – принялся возмущаться я. – Завели разговор и сами же его обрываете... И потом у меня ещё вопрос к вам...

– По поводу Светланы? – ухмыльнулся мой собеседник. – Всё будет в порядке, не сомневайтесь. У вас ещё будет возможность пообщаться с ней. Обещаю... Если будете послушным мальчиком!

8

Ах, как паршиво всё складывается! И несправедливо. Толькотолько на моём довольно блёклом горизонте забрезжил лучик надежды – и всё снова заволочло тучами. Я-то ещё три дня назад даже не надеялся, что в моей жизни может появиться какой-то новый родственник, тем более, такой яркий и неординарный, как Станислав Зенкевич, да ещё в придачу к родственнику женщина, с которой я впервые за долгие годы почувствовал себя шестнадцатилетним юношей! И ведь я реально ощутил, что становлюсь энергичным и помолодевшим лет на двадцать. Это ли не чудо?!

И вот опять со всех сторон облом. Родственник – не то жив, не то мёртв, и то, судя по всему, это сведения пятнадцатилетней давности. А что с ним сегодня? Если жив, то где он? Лучше б мне про него ничего не рассказывали! Что это за изуверские порядочки в конторе? Никак не могут отвыкнуть от пыток и истязаний?

Но родственник – бог с ним. Есть или нет – в конце концов, это мало что изменит в моей сегодняшней жизни. А вот Светлана... Хотя я и не очень подхожу на роль бойкого жиголо, Дона Жуана или поручика Ржевского, но иметь рядом с собой такую женщину... Э-эх! Скажет кто-то из знакомых, мол, в разнос пошёл чудак – на старости лет бес в ребро или вообще дальний расчёт на бесплатную сиделку у кровати немощного склерозничка... Никаких расчётов не делаю, честно признаюсь, да и рассчитывать на какие-то продолжительные отношения с кем-то вряд ли имею право. Светлана – туристка, и остаться ей в Израиле со мной очень тяжело. Да и её мнение мне неизвестно...

А если она и в самом деле, как говорил этот комитетский змей-искуситель, всего лишь выполняет оперативное задание по раскрутке фигуранта – ложится с ним в постель, играет в страсть... Тьфу, даже противно об этом думать!.. Интересно, если у неё и в самом деле это всего лишь оперативное задание, то первое оно или...

После этой гадкой, но всё время повторяющейся мыслишки я не на шутку разнервничался и стал метаться по набережной, словно мог где-то здесь отыскать ответ. Но кто мне мог сейчас сказать что-то внятное?

Забежав в какое-то кафе, я купил бутылку водки, новую пачку сигарет и отправился на пирс неподалеку, где были пустые скамейки. Тут можно спокойно присесть и обдумать свою непростую ситуацию. Но непростую ли? Всё же в ней на самом деле примитивно просто, нужно лишь успокоиться и перестать пороть горячку. А что дальше?

Первый пластиковый стаканчик, прихваченный с собой из кафе, я опустошил залпом и даже не почувствовал вкуса водки. Закусывать было нечем, поэтому я прикурил сигарету и осмотрелся по сторонам. Легче на душе не становилось, зато появилось ощущение некоторой лёгкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.